

CBET BO MPAKE

О жизни и творчестве Анатолия Могильникова

Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Отдел обслуживания

CBET BO MPAKE

О жизни и творчестве Анатолия Могильникова

Информационно-методические материалы

Свет во мраке : о жизни и творчестве Анатолия Могильникова : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравь-ёва-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2021.-100 с. +1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 18).

Составитель : В. В. Соломенник

Ответственный за выпуск : О. С. Праскова

Вёрстка и дизайн : М. И. Гнускова

Содержание

От составителя	4
«ТАКОВ УЖ ЕСТЬ»: жизненный и творческий путь Анатолия Могильникова	7
«КЛОКОЧЕТ ЖИЗНЬ ПОЭЗИЕЙ И ПРОЗОЙ…»: грани таланта Анатолия Могильникова	16
«Так добываю я из смутных чувств стихи»: поэзия	16
«Генрих Гейне научил меня»: переводы	46
«Я одержим неизлечимой тягой»: проза	58
«Что скрыто в глубине моей души»: письма	74
«СТРАННАЯ СУДЬБА»: Анатолий Могильников в воспоминаниях и оценках современников	89
«БРОДЯГА ИЗ БРОДЯГ…»: методические рекомендации к изучению жизни и творчества Анатолия Могильникова на уроках литературного краеведения	92
ЛИТЕРАТУРА	97
Произведения А. И. Могильникова	97
Литература о жизни и творчестве А. И. Могильникова	99

От составителя

И мрак ползёт, как старый чёрный крот, но в каждом доме вспыхивает солнце. Анатолий Могильников

Среди амурских поэтов, ярко проявивших себя в годы «застоя», выделяется имя Анатолия Иннокентьевича Могильникова (25.01.1940–19.02.1979) — человека сложной, трагической судьбы, амурского талантливого поэта, переводчика, прозаика почти неизвестного и неоткрытого.

По словам журналиста Александра Табунова, упоминание только имени Анатолия Могильникова, «вызывало у некоторых земляковсовременников наших если не приступ глухоты, то явное ошеломление».

В эпоху «безвременья», идеологического контроля творчества писателей, поэтов, художников и композиторов, произведения Могильникова не могли дойти до массового читателя. Литература того периода была официальной, с господствующей идеологией «лакирования» явлений окружающей действительности. Автор мог быть отлучён от официальной культуры и стать «изгоем», «маргиналом» вследствие каких-либо «неправильных», «антиобщественных» поступков, из-за «пятен» в его биографии.

Но, несмотря на все сложности и противоречия, другая литературная жизнь, полулегальная, отличалась разнообразием и многотемьем. В ней продолжали жить идеалы гуманизма и демократии, звучала правда о настоящем и прошлом советского общества, предлагались варианты будущего.

Характерными особенностями развития литературы «застойного» периода стали преследования «неугодных», увеличение «отложенной» литературы, дороги «изгнаний». Но уже было крайне сложно остановить процессы «обновления» в культуре, поэтому наблюдалось усиления давления как в литературе, так и в других сферах искусства. В этот исторический период и создавал свои произведения А. Могильников.

На сегодняшний день сохранилось небольшое число произведений Анатолия Могильникова: отдельные публикации в литературном альманахе «Приамурье моё — 1970», на страницах газет «Вперёд», «Ленинский путь», «Советское Приамурье», «Амурский комсомолец», «самиздатные» сборник стихотворений «Свет и мрак» (1978) и фантастическая повесть «Потерянные пенаты», а также письма, большая часть которых адресована другу-журналисту Александру Табунову.

Стремление А. Могильникова во мраке разглядеть свет является специфической чертой его поэтического мировоззрения.

Изучение творчества А. И. Могильникова обогащает картину развития отечественного литературного процесса первой половины XX века. Обозначенная Н. К. Пиксановым ещё в начале XX века задача изучения духовных традиций «областных культурных гнезд» и в настоящее время не утрачивает своей значимости, но при этом в атмосфере культурной интеграции и глобализации способствует формированию устойчивого индивидуального культурного облика географических регионов России.

Дальневосточные историко-культурные и природоведческие реалии в творчестве Могильникова не являются элементом «краеведческой экзотики», а формируют геопоэтическое пространство русской литературы.

Предлагаемые информационно-методические материалы «Свет во мраке» представляют личность Анатолия Иннокентьевича Могильникова, освещают основные вехи его биографии, определяют значимость его художественных произведений.

Данный сборник состоит из четырёх разделов. В первом — «Таков уж есть...»: жизненный и творческий путь Анатолия Могильникова» — описаны основные этапы его биографии. Второй раздел — «Клокочет жизнь поэзией и прозой»: грани таланта Анатолия Могильникова» — знакомит с его поэтическими и прозаическими произведениями, дружескими и деловыми письмами. Поэзия и проза Анатолия Могильникова, его нравственные искания, форма обогащают читателя и учат жить честно, масштабно, по совести.

В третий раздел — «Странная судьба...» — включены воспоминания об Анатолии Могильникове и оценки его творческого наследия. Четвёртый раздел — «Бродяга из бродяг ...» — содержит методические рекомендации к изучению жизни и творчества Анатолия Могильникова на уроках литературного краеведения.

Литература в библиографическом списке сгруппирована в двух разделах: «Произведения А. И. Могильникова» и «Литература о жизни и творчестве А. И. Могильникова».

Издание адресовано широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавателям, учащимся, всем, кого интересует творчество амурских писателей. Материалы сборника могут использоваться читателями и сотрудниками библиотек для удовлетворения краеведческих запросов; проведения библиографического информирования по краеведению; выявления необходимых материалов при подготовке и составлении пособий, сборников, альманахов и других изданий краеведческого содержания; организации краеведческих бесед, обзоров, презентаций; обогащения школьного учебно-

Русские судьбы: амурские писатели Анатолий Могильников

воспитательного процесса краеведческим материалом, в основу которого положено творчество Анатолия Могильникова.

Данные информационно-методические материалы являются восемнадцатым выпуском из краеведческого цикла «Русские судьбы: амурские писатели».

К сборнику прилагается диск, содержащий электронную версию информационно-методических материалов «Свет во мраке: о жизни и творчестве Анатолия Могильникова»; публикации А. Могильникова; статьи о его жизни и творчестве; фотографии писателя; электронные презентации, посвящённые его жизни и творческому наследию.

«ТАКОВ УЖ ЕСТЬ...»: жизненный и творческий путь Анатолия Могильникова

Мне не то чтобы день, а всю жизнь не везёт, Но я полон любви и таинственно светел.

Анатолий Могильников

Анатолий Иннокентьевич Могильников родился 25 января 1940 года в селе Жариково Гродековского (с 1958 года — Пограничного) района Приморского края.

В 1968 году окончил полный курс вечерней (сменной) средней общеобразовательной школы рабочей молодёжи № 5 города Усолья-Сибирского Иркутской области. В аттестате о среднем образовании у Анатолия Могильникова: две «тройки» — по геометрии и химии; четыре «пятёрки» — по истории СССР, всеобщей истории, обществоведению и иностранному (немецкому) языку; восемь «четвёрок» — в том числе по русскому языку и литературе.

Могильникову выпала странная судьба: наделённый большим поэтическим талантом — прожил трагически короткую жизнь, полную несвободы, непонимания и непризнания.

Ему часто приходилось менять место жительства, как по ссобственной, так и по чужой воле: Приморский край, Амурская область, Иркутская область, Алтайский край; Жариково, Белогорск, Благовещенск, Суражевка, Усолье-Сибирское, Тыгда, Бурея, Новобурейский, Малиновка, Николаевка, Райчихинск.

Могильников был дважды осуждён по уголовным статьям, провёл несколько лет на поселении («химии», как тогда говорили).

Как пишет профессор А. В. Урманов: «Первый, десятилетний срок Анатолий Могильников получил, по некоторым сведениям, за участие в групповом разбое. Наказание отбывал поначалу в исправительной колонии в Суражевке, об этом можно судить по письмам Могильникова более позднего времени. Затем, по всей видимости, был переведён в Восточную Сибирь (по версии же — весьма сомнительной — собкора «Амурской правды» Геннадия Кремнёва, тот «от звонка до звонка» отсидел в Оренбуржье, где жили немецкие колонисты — отсюда, мол, знание языка Гейне)».

Значит можно утверждать, что Анатолий Могильников попал в тюрьму 18-летним юношей, а вышел на свободу 28-летним молодым человеком. В ноябре 1968 года он стал работать электриком на Тыгдинской нефтебазе посёлка.

Александр Табунов — журналист и друг Анатолия Могильникова, вспоминает: «По молодости попал он в зону, отсидел, однако затяжной шлифовке (приморец А. А. Егоров, одновременно с Могильниковым также обживавший места не столь отдаленные, в художественно-документальной повести «Чёрная замять. Бытие» припоминает срок заключения Анатолия — пятнадцать лет) не поддался, не согнулся, ершистый характер сберёг. Годам к сорока, волей нелепого случая, угодил туда по второму заходу, а в перерыве между ним и предыдущим была работа в школе, газетах, на производстве. И было главное — Творчество».

А. Табунов предполагает, что «скорее всего, именно там, в недрах пресловутой исправительно-трудовой системы», А. Могильников «досконально изучил немецкий, чтобы переводить любимейшего своего поэта и кумира Генриха Гейне».

Табунов пишет о том, что от переложения чужих стихов Могильников перешел к «плётству» собственных: «В одном письме ко мне ссылается на газету «За трудовой путь» — многотиражку некоего управления, где на свет «впервые появились мои вирши и переводы»; было это в 1966 году».

О гуманитарном складе ума Могильникова и о выстраиваемых им жизненных планах свидетельствует сохранившееся в архиве БГПУ личное дело студента-заочника Анатолия Иннокентьевича Могильникова. В июне 1969 года Анатолий Могильников поступил «на заочное отделение БГПИ по специальности "русский язык и литература", сдав вступительные экзамены, в основном, на "хорошо" и "отлично"» («Амур», 2006, № 5, с. 58).

Также успешно Могильников сдал экзамены за первый курс.

Несмотря на хорошее начало обучения, «29 апреля 1972 года по представлению декана факультета Анатолий Могильников был отчислен из института "за систематическую неявку на экзаменационные сессии"» («Амур», 2006, № 5, с. 58). О причинах подобной развязки отчасти можно судить по подшитым в деле письмам Могильникова, адресованным методистам заочного отделения. Более подробная информация об эпистолярном наследии А. Могильникова содержится в разделе «Клокочет жизнь поэзией и прозой...»: грани таланта Анатолия Могильникова».

В конце 1970 года Могильников, потеряв работу учителя в Бурее, по словам А. Табунова, «за непокладистый характер», уехал в село Угловское, районный центр Угловского района Алтайского края, где трудоустроился корреспондентом в районную газету «Трудовая слава». По свидетельству А. Табунова, впоследствии об этом периоде жизни Могильников «рассказывал без устали, поскольку там имел возможность общаться с немецкими колонистами на их родном языке» («Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX—XX веков», 2013, с. 267).

В Благовещенске тем временем готовился к выпуску литературно-художественный сборник «Приамурье моё – 1970», где по настоянию Марка Либеровича Гофмана, в то время руководившего Амурским отделением Хабаровского книжного издательства, была опубликована единственная прижизненная подборка переводов А. Могильникова «Голоса друзей». Самым ценным в подборке Могильников считал перевод «Баллады о троих» Иоганнеса Берхера, а в ней заключительную строчку: «И немцы немца закопали с ними», то есть с русским и евреем, сохранившими и в смертный час, как и немец, их товарищ-интернационалист, верность своим идеалам. Как пишет А. Табунов, А. Могильников «до безысходности горестно, разочарованно вспоминал частенько, что в некоем издательстве, за пределами нашей области, только из-за этой строчки рассыпали типографский набор всего стихотворения». Здесь же Табунов упоминает курьёзный случай: «Разведав о выходе "Приамурья моего", Могильников послал нашему с ним общему приятелю, журналисту и поэту, срочную телеграмму: "Купи для меня семьдесят экземпляров. Тот выпучил глаза: это на репортёрскую зарплату?!". Позже, лицом к лицу, Анатолий отнекивался: "Да не семьдесят, а семь-десять. Через тире". Нахохотались досыта».

Могильников в 1970-е годы входил в число членов литературного объединения при газете «Советское Приамурье», среди которых были Геннадий Кремнев и Владимир Юркевич.

В ноябре 1974 года все трое приняли участие в областном совещании молодых литераторов Амурской области, а также писатели из Москвы и Хабаровска. Анатолий Могильников получил заслуженные похвалы от приезжих авторов за стихотворение «Чудо света».

Ничем не удивишь наш век бумажный, он убеждён: на свете нет чудес! Но есть же в мире из железа башня, террасы, пирамиды до небес! Пусть потрясает души диво это, пусть каждый стык описан и воспет, но самым величайшим Чудом Света является обыкновенный свет.

В амурских литературных и журналистских кругах к Могильникову относились настороженно. Причины такого отношения кроются в его биографии, неуравновешенном, импульсивном характере, но более всего, в откровенности суждений, оппозиционности и неприятии лжи, официоза, чинопочитания.

Свободомыслие Анатолия Могильникова не могло не отталкивать от него либерально настроенных писателей и журналистов. Как отмечает профессор А. В. Урманов, «...оппозиционность Могильникова не была "диссидентской", либеральной по духу и сути. С местными диссидентами он не был близок, осознавая, видимо, что оттепельный либерализм мало чем отличается от исподтишка оплёвываемого им "советского тоталитаризма", что он тоже основан на лицемерии и диктате одного (в данном случае "либерального") мнения».

Могильникова — недавнего «уголовника», считали человеком с сомнительным прошлым и непредсказуемым будущим. Причины такого отношения А. Табунов усматривает в том, что Могильников, «отсидевший от звонка до звонка», «...стрижке под общую гребёнку не поддался: "Пусть быют... пока не отшлифуют до неузнаваемости"; не согнулся, ершистый характер сберёг. Такова, в сущности, первопричина того, что упоминание лишь имени поэта вызывало и вызывает у иных земляков-современников по меньшей мере оторопь, по большей — приступ глухоты».

Круг общения Могильникова формировали не находящиеся в то время в центре литературной жизни Амурской области поэты Леонид Андреев и Валерий Черкесов, журналисты Александр Табунов и Геннадий Кремнёв. С большой симпатией Могильников относился к журналисту «Амурской правды» Абраму Ривлину. В то время редактор Амурского книжного издательства Марк Гофман неоднократно, в ущерб себе, пытался помочь А. Могильникову с публикациями произведений. Вот как об этом вспоминает А. Табунов, которому М. Гофман признавался: «"Я всячески, изо всех сил и везде, в том числе в обкоме, договаривался насчёт Толи. Чтобы он учился в пединституте, да не где-нибудь — на стационаре. Чтобы и жил, значит, в городе". А в ответ Марку Либеровичу: за кого, мол, хлопочешь? На что какому-то электрику ил слесарю переводы с ненашенских языков? Потому и ютился Толя в глубинке» («Амур», 2006, № 5, С. 51).

Моральную поддержку Могильников получал от тех, кто находился за пределами Приамурья, кто не был посвящён в тонкости местной литературной жизни. Так, к Могильникову и к его творчеству проявляли интерес дальневосточные поэты Михаил Асламов и Валерий Шульжик. По свидетельству А. Табунова, «...поэт Михаил Асламов назвал творческие усилия Могильникова в той обстановке подвигом. Поддержал его морально и Валерий Шульжик».

В 1976 году Анатолий Могильников, по словам А. Табунова, «волей абсурдного случая», снова попал «на зону» в Суражевку. Как рассказывает поэт Валерий Черкесов, в письме к нему Могильников поведал об обстоятельствах драматического инцидента, обернувшегося новым сроком: опоздав на автобус, он пешком шёл из Новобурейского в соседнюю Николаевку. По пути ему встретились два парня и стали задираться. Кончилось это тем, что невысокий, однако физически крепкий Анатолий нанёс увечье одному из них. Результат – очередной срок, на этот раз семилетний. По словам А. Могильникова, незадолго до этого Могильников «Николаевке, под Новобурейском, сблизился с С., чьих мальчишек фактически усыновил. В день суда, не сомневаясь, что его посадят снова, ушёл из дому, ни словечком ни с кем не перемолвившись. Думали, он в совхозе, на работе, как всегда. И я был крайне удивлён, когда поздно-поздно вечером в редакцию ко мне прибежала его зарёванная сожительница. "Что с тобой?" – "увезли от нас Толика нашего! Ой, лихо-лишенько!.."» («Амур», 2006, № 5, C. 51).

Так нелепо полученный тюремный срок Анатолий Могильников отбывал в Суражевке, где работал обмотчиком электромоторов. В заключении, преодолевая всевозможные трудности, Могильников жил почти исключительно творчеством.

В письмах А. Табунову Могильников писал о том, что доделывает книгу Гейне «Такова жизнь», где «более ста готовых стихотворений»; написал «средненький военный роман» «Дорога в рай» и повесть о нашем времени «Странные люди», в основе которой — «некоторые автобиографические факты, но принципиально — вымысел, особенно психологические выкладки. Собственно, даже не вымысел, а некое средоточие известных мне характеров».

Рукопись неоднократно упоминаемой в письмах **повести** «**Волки**», переданная Могильниковым хабаровскому прозаику П. Халову, была им утеряна.

Рукопись **повести** «Дорога в рай» Анатолий Могильников отдал «на временное хранение» А. Табунову, который «ходил с нею по редакциям» с целью публикации, но тщетно. По его словам, заведующая отделом «Амурского комсомольца» Т. Андреева, при всей

симпатии к Могильникову, изумилась: «Кто же это напечатает, если автор – уголовник?». Узнав о такой реакции знакомых ему газетчиков, Могильников автор обиделся и рукопись забрал. Предложение попытаться напечатать повесть под псевдонимом он категорично отверг: «А что до печатанья — строго под моей фамилией. Нет — значит, нет. Не напечатают в Благовещенске — напечатают в Москве». Судьба этой рукописи, как и всего архива Могильникова, остаётся неизвестной.

Рукопись **повести** «Странные люди», о работе над которой Могильников упоминал многократно, тоже бесследно исчезла.

В одном из писем он упоминал, что почти все его ненапечатанные вещи хранятся у матери: «мои рукописи на 99,9% у моей матери, они запакованы и ждут меня». Однако родственники Могильникова, покинувшие после его смерти село Малиновку, до сих пор не проявили себя — следы их потерялись.

В 1976 году Могильников отослал в Союз писателей СССР перевод книги стихов Гейне «Такова жизнь» — всего 120 стихотворений. Оттуда рукопись была передана в издательство «Художественная литература» и попала в руки известного переводчика, поэта Алексея Васильевича Парина, в 1974—1978 годах работавшего редактором в этом издательстве (с 2000 он — главный редактор издательства «Аграф»). А. В. Парин, проанализировав переводы Могильникова не в сравнении с переводами других, а в сравнении «с заколдовывающим подлинником», предложил амурскому автору устранить отдельные недостатки формального, «технического» мастерства. Анатолий Могильников считал «большой удачей, что ему попался такой критик».

На переводы Гейне Могильниковым откликнулся известный в переводческой среде человек — в те годы председатель секции переводчиков Московского отделения Союза писателей СССР Лев Владимирович Гинзбург. Известный советский переводчик, большой знаток немецкой поэзии, написал «уголовнику» Могильникову: «Ваша работа кажется мне первой за долгие годы весточкой о том, что недалеко то время, когда мы прочтём Гейне таким, каким он был на самом деле...».

Эти слова Л. Гинзбурга — не столько бесстрастная оценка, сколько поощрение-напутствие. Моральная поддержка одного из ведущих отечественных переводчиков вдохновила Могильникова в том, что рано или поздно его творчество дойдёт до читателя. Вот строчки из его письма из Суражевской колонии, датированного 2 февраля 1977 года: «Хотят или не хотят иные граждане, а в русской литературе я буду существовать — это только вопрос времени. <...> Всему свой черёд».

Александр Табунов в статье о Могильникове написал: «Если редакторы-дальневосточники отнюдь не баловали Анатолия печатаньем новинок, косясь на его прошлое и не очень-то вникая в настоящее, то в столице на это же прошлое смотрели мудро – сквозь пальцы. При такой поддержке у него, вероятно, и впрямь появилась бы возможность продолжать работу, но, как говорится, человек предполагает, а...».

22 марта 1978 года в связи с большой амнистией по случаю 60летия Октябрьской революции Могильников получил условнодосрочное освобождение и в апреле того же года был направлен на поселение в Райчихинск. «Отметив» радостную перемену в судьбе, он в первый же вечер попал в вытрезвитель, где ему «сломали всего одно ребро» (из письма от 26.4.1978). Могильников нашёл работу плотником-бетонщиком. Почти сразу же навестил своего друга А. Табунова, который так описывает эту встречу: «Сам в Тамбовку нагрянул. Это после большой амнистии в честь шестидесятилетия Великой Октябрьской, когда из "учреждения", что в Свободном-ІІ (читай: Суражевка), его направили в Райчихинск. На поселение. Я ждал такого гостя, и – побаивался, сам не зная чего. Ты, бурчу, хоть в милиции нашей отметился? А ему всё "до лампочки". Ещё и смеётся. Дескать, в следующий раз — всенепременно, а пока удрал на денёк. Хлоп меня по плечу: "Да не переживай, дружище, я шуткую. Отмечусь. Не вершиь? Вместе сходим. Куда ж деваться... Ну и как вы, молодые, поживаете? Знаешь, Сашка, мне очень приятно быть крёстным отцом твоей с Наташенькой дочери. Но - любо*пытно: кто же стал моей кумой?*"» («Амур», 2006, № 5, С. 52).

В конце декабря 1978 года, чуть больше чем за месяц до смерти, он написал стихотворение «Эпилог» (судя по всему, последнее, прощальное его произведение), отразившее его физическое и душевное состояние:

Поля в смирительной рубашке снега, леса в наручники невидимые холод заковал, как будто бы в груди Земли иссякла нега и вместо солнца в небе — огненный провал.

Но ждёт Земля весну— так ждёт свободу узник, торопит годы, дни, торопит каждый час: надежда теплится в его глазницах грустных, хоть жизнь почти что вытекала из глаз.

Предчувствие не обмануло поэта. 19 февраля 1979 года жизнь Анатолия Могильникова оборвалась. Официальный диагноз — сердечная недостаточность. По мнению А. Табунова, А. Могильникова «доконала неопределенность судьбы рукописей».

Анатолию Могильникову не было суждено физически ощутить себя свободным человеком, но мятущаяся душа поэта вырвалась на свободу...

В фондах литературно-краеведческого музея БГПУ хранится (помимо рукописи фантастической повести «Потерянные пенаты» с правкой М. Гофмана и писем, переданных А. Табуновым) отпечатанный автором на машинке, «самиздатовский» сборник стихов «Свет и мрак» (1978) — семьдесят одно «восьмистишие», часть переводов стихотворений Гейне.

Здесь интересно упомянуть воспоминание А. Табунова об отношении А. Могильникова в свету и тьме: «Это извечное порицание ночи, тымы. А что, — улыбается он, — если взглянуть на тыму иначе:

Мне сквозь неё алмазы неба не видно И в душу брызжет звёздная капель. А ночь теперь до прелести постыдна, И нас водой не разольёшь теперь!».

Из того, что было создано Могильниковым за долгие годы, сохранилось не так уж много. Дошедшее до нас творческое наследие талантливого поэта, переводчика и прозаика Анатолия Могильникова открывает амурским читателям глубокого и самобытного лирика, тяготеющего одновременно и к отражению мгновений своей жизни, к выразительным пейзажным зарисовкам, к деталям, и к философскому обобщению, «к простоте, к классической ясности и к народной непосредственности».

Среди стихотворений А. Могильникова есть подлинные шедевры. Например, «Нелегальная поэзия» (1978), в котором автор обнажает свою творческую лабораторию:

Поэзия, никем не признанная в мире, мне открывается под капель чистый звон. Мы с дедом тайно заперлись в его квартире, и я смотрю, как он химичит самогон.

Потом мы вместе пьём, и огненная влага втекает в сердце мне, закону вопреки.

Как дед добыл её из жёлтой, мутной браги, так добываю я из смутных чувств стихи.

В 1993 году на страницах газеты «Амурские вести» были опубликованы стихотворения А. Могильникова, сохранившиеся у А. Табунова.

До наших дней дошли письма Могильникова, позволяющие познакомиться «с поспешно и надолго забытым писателем».

«И при жизни-то издателями редко привечаемый, после кончины же долго не публиковавшийся вообще, Анатолий Могильников, тем не менее, знаком почти всей пишущей братии Приамурья, во всяком случае, старшему её поколению», – пишет Александр Табунов.

Пришло время амурскому читателю узнать о жизни Анатолия Могильникова, познакомиться с его творчеством и сделать свои выводы.

«КЛОКОЧЕТ ЖИЗНЬ ПОЭЗИЕЙ И ПРОЗОЙ...»:

грани таланта Анатолия Могильникова

Я одержим неизлечимой тягой идти во тьму, чтоб познавать рассвет. **Анатолий Могильников**

Анатолий Могильников — талантливый поэт, переводчик, прозаик. На сегодняшний день сохранилось небольшое число его произведений: отдельные публикации в литературно-художественном сборнике «Приамурье моё — 1970», на страницах газет «Вперёд», «Ленинский путь», «Советское Приамурье», «Амурский комсомолец», «самиздатные» сборник стихотворений «Свет и мрак» (1978) и фантастическая повесть «Потерянные пенаты», письма, бо́льшая часть которых адресована другу-журналисту Александру Табунову.

Сам Могильников однажды сообщил Табунову об анкете, «в которой указывают, где и когда печатался. Там были хотя и невеликие издания, но многочисленные, в том числе и на немецком языке. Альманах "Алтай", журналы "Сибирские огни", "Простор", в которых печатали мои переводы ещё тогда, когда я "загорал на даче"; немецкие газеты "Ротэ Фанэ" (краевая) и "Фройндшафт" (республиканская)» («Амур», 2006, № 5, с. 54).

«Так добываю я из смутных чувств стихи...»: поэзия

Кто в этом мире не бывал бродягой Хотя бы сердцем – разве тот поэт? Анатолий Могильников

Поэтическое творчество Анатолия Могильникова представлено прижизненной публикацией переводов под общим заглавием «Голоса друзей», отпечатанным автором на печатной машинке «самиздатовским» сборником стихотворений «Свет и мрак», в который вошло 71 восьмистишие, подборкой пяти стихотворных переводов с немецкого, отдельных публикаций на страницах амурских газет.

Не всё в сборнике равноценно, но некоторые из восьмистиший воспринимаются как подлинные шедевры: «Первая любовь», «Моя

любовь», «Тальник», «Осенний этюд», «Неотвратимое», «Творчество изнутри», «Солнечный ветер», «Саранки», «Чудо света», «Эпилог». Таково и стихотворение «Нелегальная поззия» (1978), которым Могильников вводит читателя в свою творческую лабораторию.

Могильников поднимает тему поэта и поэзии – одну из ведущих тем русских поэтов. Вспоминается стихотворение «Мне ни к чему одические рати…» Анны Ахматовой.

Мне ни к чему одические рати И прелесть элегических затей. По мне, в стихах всё быть должно некстати, Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда, Как жёлтый одуванчик у забора, Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий, Таинственная плесень на стене... И стих уже звучит, задорен, нежен, На радость вам и мне.

У Ахматовой стихи растут из *«сора»*, а у Могильникова — *«из смутных чувств»*. Удивительное уподобление рождения стихов выгонке самогона (*«капель чистых звон»*) наглядно показывает таинство возникновения поэзии. Как происходит очищение *«жёлтой, мутной браги»* от лишних суррогатных веществ до кристальночистого спирта, так и поэт *«шлифует»* свои стихи, доводит их до блеска, оттачивает до предельной ясности свои мысли. Может быть оно излишне откровенно, или, быть может, приземлёно, но поражает смелостью.

В стихотворении «**Творчество изнутри**» Могильников пытается постичь глубину души поэта:

Все говорят: всесильна мудрость света! Но где границы истины и лжи? Никто и никогда не даст ответа, Что скрыто в глубине моей души. Лишь я туда, ища и мучась вечно, Гляжу сквозь пламя и холодный мрак:

Там мысли, туго натянув в уздечки, На чувствах едут, словно на ослах.

В этом философском стихотворении обнаруживается мотив одиночества поэта, которого вряд ли кто-нибудь сможет понять, ведь он сам для себя загадка, мысли его опережают чувства, управляют ими. Антитеза «пламя» и «холодный мрак» свидетельствует о противоречивости внутреннего мира поэта.

Изображение жизненных конфликтов и борьбы, столкновение противоположных сил, взглядов, стремлений, интересов — в стихотворении «Коллизии».

Прозрачный воздух невесом, Глубь сини не измерить, Лишь туча, словно жирный сом, Плывёт по атмосфере. А ветер крутит колесом Пыль над соседкиным крыльцом, Со злостью хлопнув дверью. А дом стоит резным ларцом С подгнившим у земли венцом, Весною в смерть не веря. Не примирившийся с концом, Хоть прожил жизнь свою скопцом, Телегу тянет мерин. Петух дерётся с наглецом — С соседским петухом-бойцом, Пришельца глазом мерит, Как будто видит в первый раз И первый раз дерётся, Но знает, что затопчет в грязь У старого колодца...

В стихотворении «Закончилось, забылось, отболело...» Могильников утверждает, что поэтом может быть только человек, положивший на алтарь служения поэзии все блага человека, отказавшийся от дома и семьи, влекомый «неизлечимой тягой» нести своими стихами свет человечеству:

Закончилось, забылось, отболело воспоминанье о прошедших днях,

хоть жизнь меня нисколько не жалела – я для неё бродяга из бродяг.

Я одержим неизлечимой тягой идти во тьму, чтоб познавать рассвет. Кто в этом мире не бывал бродягой Хотя бы сердцем – разве тот поэт?

Можно предположить, что именно из такого понимания предназначения поэта — рассеивать мрак, нести свет своими стихотворениями возникло название сборника — «Свет и мрак». Могильников в заглавии на первое место поставил слово «свет», значит, он верил в победу добра над злом, света над тьмой, правды над ложью.

Процитируем одноимённое стихотворение из сборника:

Свет растворился в мутной дали за цепью розовых холмов, и только трепетно моргали, как звёздочки, глаза домов.

Мрак разогнал людей вслепую по клеткам голубых квартир, но стоит заглянуть в любую — и ты откроешь целый мир.

Стремление Могильникова во мраке разглядеть свет можно назвать специфической чертой его поэтического мировоззрения.

Необходимо отметить, что стихотворение «Свет растворился в мутной дали...» было впервые напечатано 5 ноября 1974 года на страницах газеты «Советское Приамурье». Примечательно, что в варианте, предложенном для публикации в газете, в последней строчке первого четверостишия этого варианта стихотворения Могильников написал «стеклянные глаза домов», а в сборник «Свет и мрак» включил это стихотворение, заменив «стеклянные глаза домов», красивую метафору «как звёздочки».

Свет растворился в мутной дали за цепью розовых холмов, и только трепетно моргали, стеклянные глаза домов.

Мрак разогнал людей вслепую по клеткам голубых квартир, но стоит заглянуть в любую — и ты откроешь целый мир.

Действительно, *«трепетно моргать стеклянные глаза домов»* не могут – стеклянное воспринимается, как нечто застывшее и холодное, неживое.

Могильникову было очень важно доказать силу света перед мраком, он искренне верил, что всесильный *«свирепый мрак»* не сможет победить *«крошку света»*.

Горит костёр с весёлым треском Манящим маяком в бескрайней темноте, Оазисом в безжизненной пустыне... И дразнит он багровым языком Свирепый мрак, который, наплывая, Глотает лес, дорогу и холмы, Далёкий горизонт, агонию угасшего заката... Над всем всесилен он, но крошку света, Беспечно пляшущий костёр Не в силах потушить!..

(«Горит костёр с весёлым треском...»)

В стихотворении «ЛЭП» ползущий мрак сравнивается со старым чёрным кротом.

Несут опоры на ссутуленных плечах огромный груз большого напряженья, не сдвинувшись в пространстве ни на шаг, но кажутся застывшими в движеньи.

С их высоты видать: за поворот, как ожерелье, тянутся вагонцы, и мрак ползёт, как старый чёрный крот, но в каждом доме вспыхивает солнце.

В художественном мире Могильникова всё жизненно ценное излучает сияние. Свет в его поэзии — это истинное содержание человеческой души, святое в ней.

Проклюнулся росток на свет, А ночью где-то, На расстояньи в миллиарды лет Мгновенно вспыхнула планета.

Не в удивленье эта связь — Вся жизнь из связей... Я из души выплёвываю грязь В испепеляющем экстазе. («Проклюнулся росток на свет...»)

В 1969 году на страницах газеты «Амурская правда» в рубрике «Стихи наших читателей» было опубликовано два стихотворения А. Могильникова, воспевающих Солнце и его тепло — «Много в мире путей» и «Костры».

Анатолий Могильников, со всей своей не просто сложившейся судьбой, со всей своей яркостью и неповторимостью самобытного дарования предстаёт как один из «солнечных» поэтов. Солнце в его поэтическом мировоззрении — символ жизни, возрождения. Животворящая мощь солнца особенно ощутима в сопоставлении с холодом, морозом. До костей промёрзший лирический герой стихотворения «Много в мире дорог», ощутивший «прелесть» мороза, осознаёт — где солнце, там жизнь, именно оно согревает всю землю, несёт свет и радость всему сущему.

Много в мире дорог, Много в мире путей... Я до пяток продрог, Я промёрз до костей... Что за прелесть — мороз! Как его не испить? — Он научит до слёз Ласки солнца любить...

В стихотворении «**Костры**» образ костра передаёт внутреннее состояние лирического героя: тело согрелось от тепла костра, а душа может согреться только от чистого солнечного света, который заливает всё вокруг и проникает в самую сущность окружающего мира.

Костёр догорел, Завял, как венок. Он тело согрел, А душу не смог. Ах, жизнь, не мудри, Во тьме не витай. Зачем мне костры? Мне солнце подай!

Последние четыре строки стихотворения — развёрнутая метафора: лирическому герою не достаточно света и тепла костра в темноте, для полноты жизни ему необходимо солнце, освещающее всё то, чего не видно за пределами костра.

Солнце – символ жизни на земле. Образ Солнца – один из распространённых в русской поэзии. Могильников прославляет величие этого светила, связывая с ним всё лучшее, светлое, радостное, что есть в жизни. Можно предположить, что амурский поэт видит в солнце настоящего друга.

В лирике А. Могильникова выделяются стихотворения с остро заявленной социально-политической тематикой, например, «Патриотизм», «Избиратели», «Идоль».

В стихотворении «Идолы» Могильников весьма смело, открыто и откровенно обнажает сущность избранников, которым народ доверил власть над собой в истинно русской надежде на лучшую долю. Могильников уподобляет «трибунов» животному миру: «трещат цикады», «замолкнет стрекотня», «пойдёт грызня», «очередной гад». «Цикада — хоботное прыгающее насекомое, издающее характерное стрекотание» (словарь Ожегова).

Сойдёт один, взойдёт другой трибун, Его спихнёт без сожаленья третий. Не сядет же им на язык типун За то, что всяк — единственный на свете.

И сыздавна такая суетня— Из тьмы на целый мир трещат цикады. Замолкнет стрекотня, пойдёт грызня, И—кланяйся очередному гаду.

Могильников уподобляя «трибунов» цикадам, наделяет первых качествами вторых. Более того, в стихотворении наблюдается градация поведения «трибунов»: «замолкнет стрекотня, пойдёт грызня», позволяющая говорить об усилении образности — грызут уже не

насекомые, а животные — хищники. Таким образом, выстраивается цепочка: $\mu u \kappa a \partial u - x u \mu u \kappa u - \epsilon a \partial u$.

В русском языке слово «гады» употребляется в двух значениях: прямом — «всякое пресмыкающееся и земноводное животное», и переносном — «мерзкий, отвратительный человек, гадина» (словарь Ожегова). «Гадина — тот, кто вызывает к себе отвращение, презрение» (словарь Ожегова). Оба слова подаются в словарях со стилистической пометой «презрительное». Можно говорить о том, что Могильников, наделённый природной грамотностью и чувством языка, использовал слово, точно отражающее сущность «трибунов», уподобляя их «гадам».

Стихотворение представляет собой развёрнутую метафору, символизирующую нечистоплотность политиков. «Трибуны» являются носителями отрицательного, каждый из них, убеждённый, что он «единственный на свете», может «спихнуть без сожаления» любого другого. Могильников выступает против идолопоклонства.

Использование фразеологизма «Не сядет же им на язык типун» и разговорно-просторечной лексики: «спихнёт», «всяк», «суетня», «грызня», наряду с книжной: «взойдёт», не только выражает авторские взгляды, но и позволяет говорить о его стремлении к простоте изложения мысли. Вероятно, Могильников стремился быть понятым простым народом, выходцем из которого был сам.

Стихотворение «**Избиратели»** продолжает обозначенную тематику.

Я слышу за углами, в подворотнях Подпольной оппозиции скулёж. О Боже, дай свободу этим сводням, Чтоб доказать, что правда — это ложь!

Ведь день придёт – пойдут они, как тени, Улыбками сравняв кривые рты, Опустят в урны гордо бюллетени, Неся на холках чинно хомуты.

Герои стихотворения уподобляются животным: их общение похоже на «скулёж» собачий, но они, как лошади, носят «на холках чинно хомуты».

Профессор А. В. Урманов отмечает: «Прошло несколько десятилетий, желанный для диссидентов "день пришёл", так что любой желающий может судить о точности социально-политического

прогноза Могильникова» («Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков», 2013. с. 268).

Тема псевдопатриотизма остро заявлена в стихотворении «Патриотизм»:

Мы не выносим сора из избы, Хотя уже до венчика в грязюке, А кто не хочет этакой судьбы, Те все – враги, предатели и суки. Пусть замолчат или помрут в тюрьме – Гераклов труд не обретёт почёта: В отечественном утонуть дерьме – Священный долг любого патриота.

Лексика с отрицательной коннотацией: *«враги»*, *«предатели»*, *«грязюка»*, и инвекивы: *«суки»*, *«дерьмо»*, работают на раскрытие, выражение авторского замысла: жить в «авгиевых конюшнях» проще, чем вычистить их, тем более что «подвиги Геракла» в современном обществе наказуемы: *«Пусть замолчат или помрут в тюрьме»*.

Как отмечено в первом разделе, стихотворение «**Чудо света**» Могильникова получило положительные отзывы участников семинара литераторов Амурской области.

По мысли Могильникова, ни Эйфелева башня, ни воздушные дворцы и сады Семирамиды, ни египетские пирамиды, входящие с семь чудес света, «каждый стык» которых «описан и воспет», не могут сравниться с «обыкновенным светом», являющимся «самым величайшим Чудом Света», ведь они были созданы им. Обыкновенный свет дарует жизнь всему сущему на земле, сам при этом оставаясь незаметным, и, соответственно, неоценённым.

В стихотворениях Могильникова встречаются многочисленные образы деревьев. Приведём несколько примеров: «В глубину забредает тальник / И к волне свою голову клонит», «Тягуче шли дожди и тяжестью к земле / Клонили клёнов золотые кронцы», «Запах доносится вербный / Ели толпятся стеной», «Инеем огненнокудрые клёны / Первый морозец посеребрил», «Только белый ствол берёзки / Блещет молнией во мраке».

Звёзды осыпает у обрыва Молодая рыжая ольха, Изгибается, ломая руки, Словно остывая на века.

Внезапный вихрь с разбойным свистом Сквозь лес пронёсся, теребя деревья. Дубы качнулись, потрясая гривами, Осины мелко затряслись, Изящные берёзки Вскипели гневною листвою Лишь ели помахали вслед ему Зелёными руками, словно другу.

Погодка волчья — кровь в жилах стынет. Метёт пурга. Грустят берёзки, русские богини, На тоненьких ногах. Простор задёрнут снежным занавесом, И не видать ни зги, Лишь ветер воет злобным бесом Над головой тайги...

Ползёт тишиной боязливо Весенняя чёрная ночь, И тучи печалью красивой Успели Луну обволочь. Средь туч зеленеют проталины, Кромешную темень тесня. С деревьев липучей окалиной Швыряются почки в меня.

Сразу обращает внимание, что, изображая деревья, А. Могильников приближается к поэтике С. Есенина, одной из важнейших свойств которой является цветопись. Цветопись в изображении деревьев встречается и у Могильникова: «огненнокудрые клёны», «белый ствол берёзки», «клёнов золотые кронцы», «молодая рыжая ольха», «ели помахали вслед ему / Зелёными руками».

Поэтическая сущность использования мотива флоры в поэзии Могильникова заключается в точности и мастерстве ботанических метафор. Растения – деревья и цветы – в его стихах не просто растут сами по себе, но взаимодействуют с душою человека. Вернее, человек существует с ними на равных внутри единой природы.

Ночь. Темно и беспросветно. Холод. Ветер и метель. Слепо. Скучно. Неприметно. Клён. Берёзка. Ива. Ель. Зябко. Грустно и колюче. Иглы. Иней и мороз.

Тропка. Спуск. Валежник. Кручи. Косогор. Подъём. Откос. Чаща. Марь. И снова тропка. Всё в пути да на ходу... Зло. Рогатки. Нервотрёпка. Падаю. Встаю. Иду...

Тальник, берёза, клён, дуб; саранка, роза, шиповник – образы растения у Могильникова иногда вырастают до символа.

Подарить тебе дали мне букет, только розы были без колючек—выросли они в глиняном горшке, а не на горючих горных кручах.

Понял я, когда ты букет взяла белизною пальчиков бескровных, что с тобой меня зря судьба свела, как с домашней розою шиповник.

Смысл антитезы понятен: Могильников сопоставляет образы розы и шиповника с поведением человека. Здесь уместно вспомнить несколько легенд, связанных с этими растениями.

Не менее четырех тысячелетий назад из шиповника была выведена первая роза. Только никто не может ни назвать имя садовника, который это сделал, ни сообщить, когда это произошло.

Согласно одному из древнегреческих мифов, богиня любви Афродита, узнав о гибели на охоте своего возлюбленного Адониса, бросилась вслед за гонцом. Колючие кустарники и острые камни царапали её кожу. Капельки крови падали на ветки и превращались в алые бутоны. Так появился шиповник, куст которого в период цветения похож на огромный букет роз.

На Кубани рассказывают легенду о несчастной любви двух молодых влюблённых, разлучённых жестокой судьбой. Жила в дальней

станице бедная девушка-казачка, единственным богатством которой была необычайная красота. Полюбила она молодого казака тоже бедного. Поклялись молодые люди в верной любви друг другу. Приметил красивую девушку станичный атаман и стал преследовать её, а молодому казаку пришла пора идти на военную службу. В одну из тёмных ночей атаман выкрал девушку из родительского дома. Долго держал он её в темнице, но в день свадьбы удалось ей бежать в ближайший лес. Вспомнились ей счастливые встречи с любимым, не выдержала она сердечных мук и лишила себя жизни. А на месте её гибели вырос пышный куст с нежно-розовыми душистыми цветами. Увидел однажды атаман красивый куст, хотел сломать цветущую ветку, но все они мгновенно покрылись колючими шипами. А осенью на этих ветках появились ярко-красные, похожие на капли крови плоды. Добрые люди собирают эти плоды, пьют из них чай, и этот чай возвращает им бодрость и здоровье.

Шиповник – древнее дикорастущее растение, одно из самых известных и привычных человеку. Шиповник используют в пищу, добывают из него лекарства и краски, красивые цветки и плоды служат украшением.

У многих народов шиповник — любимое бытовое, ритуальное священное растение: из его цветков плели гирлянды для невест, поэтов, героев и правителей, женщины и девушки украшали себя бусами из ярких плодов, был он участником общественных мероприятий, похоронных обрядов. Древние греки и римляне считали его символом нравственности и посвящали богине любви и красоты.

У славянских народов шиповник — символ красоты, молодости, любви. Одновременно он символизирует и крепкую мужскую стать.

Могильников пишет о том, что «*зря его судьба свела*» с героиней стихотворения, потому что нельзя соединить несоединимое – домашнюю розу и дикий шиповник – несмотря на то, что эти растения трудно разделить.

Понял я, когда ты букет взяла белизною пальчиков бескровных, что с тобой меня зря судьба свела, как с домашней розою шиповник.

Отдельным мотивом в поэзии Могильникова можно выделить мотив дальневосточного цветка «саранки», образ которого тоже вырастает до символа. Нужно отметить, что сарана — один из излюбленных цветков известного дальневосточного поэта Петра Комарова, она встречается во многих его стихотворениях, например, «Дальний

берег» (1939), «Сибирская легенда» (1943), «За кустами краснотала, за сквозным березняком…» (1947).

Вернёмся к Могильникову и его стихотворению «Саранки»:

Когда идёшь полянкой спозаранку По серебру сыпучих рясных рос, Тебя встречают красные саранки Огнём своих остроконечных звёзд.

Напрасно стынь ползёт с лесной опушки, Пронзая плоть от головы до пят, — Их озорные чёрные веснушки Ласкают взгляд и сердце веселят.

Развёрнутая метафора-олицетворение «Тебя встречают красные саранки / Огнём своих остроконечных звёзд» создаёт образ саранки, привлекающей внимание своей яркой окраской. Более того, согревающей человека ранним прохладным дальневосточным утром.

Стихотворение П. Комарова «Сарана» с подзаголовком «сибирская легенда» (1943), вошедшее в сборник «На краю России» (1945), открывается описанием «непонятного цветка — сараны».

Среди трав на опушке лесной, У ручья, что звенит как струна, Каждый год расцветает весной Непонятный цветок – сарана.

Он горит среди ясного дня, Отряхнув полевую росу. То – как жаркая вспышка огня, То – как чья-то косынка в лесу.

Только встань под высокой звездой — Ты услышишь, как вслед за щеглом Закричит, засвистит козодой, Щур захлопает сильным крылом...

Говорят, неизвестный казак Из одной атаманской семьи Растерял в приамурских лесах И доспехи и кости свои.

С Ерофеем Хабаровым здесь Проносил он, царям вопреки, Нашу русскую славу и честь К дальним плесам великой реки.

Схоронили его до весны На холме у высоких берез, А весною цветок сараны Из казацкого сердца пророс.

Похоронен и сам Ерофей – Только слава осталась одна. С той поры все сильней и сильней Расцветает в лесах сарана.

И сейчас, если корень цветка, Положив на ладонь, рассмотреть,-Будет сердце того казака На ладони сиять и гореть.

И ещё говорят старики: Кто хоть раз прикасался к цветку, – Ни ружья, ни меча из руки На своём не уронит веку.

Он пойдёт, не страшась никого, В бой за землю родную свою, И прибавится к силам его Сила прадедов в этом бою.

И какой бы ни встретился враг – От могилы врагу не уйти, Словно тот неизвестный казак Тесаком преграждает пути.

Я видал не однажды и сам, Как бойцам, что идут на войну, Выносили ко всем поездам Полевые цветы – сарану.

Сибиряк сохранил и сберёг Нашу славу, как стяг полковой, У старинных можайских дорог И в окопах сырых под Москвой.

Он лежал на кровавом снегу, Он в суглинке стоял по плечо, Но не дал опоганить врагу Той земли, что любил горячо.

Опалён сталинградским огнем, Испытал он всех бед глубину. Ты у Волги узнаешь о нём, У курганов степных на Дону...

После боя, в землянке ночной, Где мигает фонарь на стене, Вспомнит он о далёкой, родной, О сибирской своей стороне.

Вспомнит он и друзей, и жену, И цветок пламенеющий тот, Что в Сибири в любую весну Из казацкого сердца растёт,

Что горит среди ясного дня, Отряхнув полевую росу. То – как жаркая вспышка огня, То – как чья-то косынка в лесу.

Если воин готов ко всему, Пусть цветок на дорогу сорвёт — Будет сердце казачье ему Освещать всю дорогу вперед!

У Комарова точно подобраны метафора и сравнение, уместившиеся в одной строфе, мастерски создающие образ сараны. Метафора *«горит среди ясного дня»* также создает динамичный образ сараны, не просто растущей у тропинки, а словно привлекающей внимание своим ярким цветом.

Используя сравнение «как жаркая вспышка огня», Комаров вкладывает в созданный образ цветка сараны дополнительный смысл, отождествляя его с неким боевым орудием. Зрительно можно представить картину боя, поэтому саранка горит, «как жаркая

вспышка огня». Дальневосточный цветок в стихотворении Комарова становится символом несокрушимости, внутренней силы, храбрости и неуязвимости воина. Недаром охапки полевых цветов нередко выносили бойцам к поездам.

У Могильникова саранки с *«озорными чёрными веснушками» «ласкают взгляд и сердце веселят»*, то есть поэт воспринимает их как задорных девчушек. Образ дальневосточного растения *«саранки»* у Могильникова связан с идеей бескорыстной помощи человеку. Саранка только лишь одним своим радостным, праздничным видом согревает озябшего путника. *«Саранки — это мои любимые цветы. Но я никогда не рву их, потому что, сорванные, они теряют свою прелесть. И красота у них какая-то почти человеческая. <i>Розы и маки против них — какие-то не по-людски нежные и кажутся барышнями с накрашенными губами…»* (из письма А. Могильникова А. Табунову).

В поэзии Могильникова встречаются стихотворения, в которых цветы выполняют сюжетообразующую роль:

Первый иней ложится осенью на листву, а на мою голову он опустился весной. Так внезапные заморозки прихватывают завязи цветов.

Всюду округлость цветов, тучек овальная белень, только саранок хрусталь гранями врезался в зелень.

Кажется, весь этот мир втиснут в окружия рамок — вот почему я люблю острые звёзды саранок.

Округлым звукам «о» и «а», противопоставлены «р», «с», «т»: «округлость», «овальная», «только», «окружия», «рамок»; «саранок», «острые», «гранями». Герой не хочет сливаться с миром, он стремится

выйти за его округлые рамки», поэтому его так привлекают остроконечные соцветия саранок.

В. Черкесов отмечал увлечение Могильникова поэзией Есенина. Действительно, пейзажная лирика Могильникова щедро наделена цветописью: «по серебру сыпучих рясных рос», «красные саранки», «золотые фотоны», «рыжая ольха», «снег опускается, сизый и мокрый», «цвета, разбавленные серостью охры», «цвета небесного ясная грусть», «грустное небо цвета разлуки», «вспыхнули маки пламенем алым».

Могильников не жалеет красок для того, чтобы показать красоту и яркость дальневосточной природы.

В глубину забредает тальник И к волне свою голову клонит. Как-то мне показалось на миг, Что он дальше шагнёт и утонет. Но, в листве затаив торжество Своей вечности, глубже шагает, И Амур обнимает его, И волна за волной набегает.

(«Тальник»)

Зрительного восприятия амурской осени в стихотворении «Осенний этюд» Могильников достигает созданием удивительно точных метафор («ветер шаловливый», «стоны журавлей») и сравнений («Молодая рыжая ольха, / Изгибается, ломая руки, / Словно остывая на века»).

Чуть доносит ветер шаловливый Стоны журавлей издалека, Звёзды осыпает у обрыва Молодая рыжая ольха, Изгибается, ломая руки, Словно остывая на века... И плывут, как разинские струги, К солнечному югу облака.

Могильников восьмью строками создал картину осенней природы, словно выписал её не словами, а кистью художника, настолько получилась она у него зримой, яркой, настоящей. Поэт об осени пишет с особой ноткой тепла и любви.

Образ осени в стихотворении «**Поздней осенью**» выступает, как мечтательная, одновременно драматическая картина.

Осколки в глубину летят, ещё мгновенье — и закат поникнет. Минует осень. Мокрый листопад иссякнет скоро и совсем затихнет.

А я как будто на часах застыл, ты тоже ждёшь, в тревоге онемевши, когда природа напряженьем сил сорвёт последний лист окоченевший.

Описание осени позволяет Могильникову выразить сокровенное, потаённое, то, что может быть, скрывалось даже от себя самого. И, чем больше вчитываешься в строки его «осенних» стихотворений, тем больше в них открывается.

В поэзии А. Могильникова человек и природа выступают как две равновеликие силы единого мирового пространства.

Когда гляжу на дальние зарницы, мне хочется то в небеса взлететь, то телом и душой с природой слиться, то без остатка ею овладеть.

И вечно человек чего-нибудь желает... На левом берегу сверкают огоньки, и мост на животе туда ползёт по сваям над зеркалом мерцающей реки.

(«Желания»)

Природа выступает целостным, самодостаточным миром, увиденным словно бы «изнутри» своего бытия, как независимая от человека данность в стихотворении «Зимнее затишье».

Сверкающая белизною тьма Пробесновалась на полях и тропах. Безжизненно до дальнего холма Застыли цепи торсами сугробов.

И, как снежинки, сквозь мороз и муть Просыпал алый глаз смешинки в небе.

Но стоит только ветерку вздохнуть, Как вновь пойдут в атаку эти цепи.

Особенностью пейзажной поэтики Могильникова можно назвать пейзаж-экфрасис, детально и зримо передающий визуальное впечатление.

Синее утро и росный покос. Падают слёзы мерцающих рос. Капли чуть слышны в рассветной тиши... Небо! О ком ты тоскуешь, скажи?..

Красное утро и звонкий покос. Тают алмазные капельки слёз... Небо! А ты тосковало не зря — К сердцу тебя прижимает заря. («Синее утро и росный покос...»)

Главным художественным средством здесь выступают конкретные наименования явлений природного мира. Средствами создания «зарисовок с натуры» становятся сюжетные картины.

Расцеловать бы каждый пень лесной И закатиться сумасшедшим смехом... Деревья внятно говорят со мной, Лаская слух многоголосым эхом.

А у меня в котомке — добрый гном, Которого не отпущу на волю. Пускай сидит, не мысля об ином, И знает, что его такая доля.

Я ядовитым улыбнусь грибам, А он психует, это сердцем чуя. Пусть мне, как надо, врежут по зубам – Мой добрый гном, тебя не отпущу я.

Иначе буду я навеки злым,
Как люмпики и прочие подонки.
С тобою вместе в доброте сгорим —
Сиди, мой добрый гном, в моей котомке!
(«Расцеловать бы каждый пень лесной...»)

Панорамное изображение в стихотворении «В грозу» создает эффект всеохватности природной картины, где нет ничего, кроме бесконечности и вечности, показывает вселенский масштаб природного мира; независимость мира от человека.

С землёю небеса слились, текла седая мгла... Но вдруг расколотая высь могучий дуб зажгла.

И одиноко в темноте он пламенем моргал. Не смог помочь ему в беде дождя огромный вал. Хоть он боролся и пыхтел, Но не хватало сил, и так бедняга весь сгорел, а дождь всё лил и лил...

В природе поэт черпает силы и вдохновение, способность жить дальше, несмотря на невзгоды и лишения.

Я иду и иду. Рассыпаются бисером росы: Молодеет заря, заливая глубины души. Или это лишь сон о цветах По небесным откосам иль проказы природы, Создавшей в пути миражи?

Я иду и иду. А заря в беспредельности гаснет, Чтобы с новым восходом Воскреснуть и снова прийти Сквозь чудесную ночь... И Она бесконечно прекрасней Даже самой возвышенной, Самой святой темноты... («Я иду и иду. Рассыпаются бисером росы...»)

Тема любви в русской литературе всегда занимала особое место. В основном она описывалась с духовной стороны. Не обощёл вниманием эту тему и А. Могильников. Он постоянно обращался к теме любви, показывая многогранность и многоликость её проявлений.

Когда с востока по седому бору она идёт, мне тропку озарив, я сердце напрягаю до упора, чтобы сдержать моей любви порыв.

Небесный жемчуг сыплется на кронцы — я очарован девственной красой. Мне очень жаль, что это солнце, а не девчонка с рыжею косой.

(«Утренняя заря»)

Для Могильникова любовь – «бальзам души», животворительная сила, без неё человек – «калека»:

Всяк сущий без любви – калека, в нём нет ни света, ни тепла. Во мне живого человека – в клоаке зла – любовь спасла.

На взгляд, разумна или вздорна, она немыслимо чиста, и в этом – истины бесспорной чудовищная простота.

(«Всяк сущий без любви – калека...»)

Вечную тайну любви и вечную драму влюбленных Могильников видит в том, что человек неволен в своей любовной страсти: любовь есть чувство изначально стихийное, неотвратимое, часто трагическое — счастье оказывается нелостижимым.

Ты опять, святая простота, буйно отписала мне намедни: «Жду... люблю... любовь моя свята...» — Вздорные, болезненные бредни.

О любви и редких мгновениях настоящего счастья он пишет на протяжении всего своего творческого пути. Эти стихотворения отмечены глубоким психологизмом. В них раскрылось дарование Могильникова проникать в интимные глубины сердца с их неизведанными и непознанными законами. Для Могильникова в любви есть нечто общее с вечной красотой природы, поэтому, с его точки зрения, прекрасно только естественное, невыдуманное чувство:

Грустно в груди от осеннего гула — чувства разносит времени шквал... Если б весна в моё сердце вернулась, я б каждый листик расцеловал.

Поражённый неожиданной любовью, герой стихотворения «**Первая любовь**», используя эмотивную лексику: «распрекраснейшим», «глазищи», «просадили», понял настоящий смысл слов «стреляют глазами»:

Говорят, что стреляют глазами. Я не думал, что это всерьёз — романтическими словесами, словно мохом, мой разум оброс.

Но одним распрекраснейшим летом мне и это познать довелось: голубые глазищи дуплетом просадили мне сердце насквозь.

Автор этих строк так оценил их в письме к своему другу А. Табунову: «Не подарочек, конечно, но, по-моему, сносно!».

В поэзии Могильникова любовь, как правило, бескорыстная и самоотверженная, всегда трагична и заведомо обречена на страдания.

Пригвоздив меня глазами, павой, с царственно пустою головой, ты ушла, оставив след кровавый от моей души на мостовой.

Ты вернулась кроткой и негордой, как перебродившее вино.
Тайне отзвучавшего аккорда повториться в сердце не дано.

(«Пригвоздив меня глазами, павой...»)

Любовь раскрывается Могильниковым как сильное, страстное, всепоглощающее чувство, всецело завладевшее человеком. Об этом стихотворение «Когда она взглянула на меня...».

Когда она взглянула на меня, моё сердце подкатило к горлу и застряло в нём, а туловище сковал холод невесомости, и только биение коленей говорило о том, что я ещё живой.

Чувство любви позволяет герою выявить лучшие качества души, озаряет жизнь светом доброты и самопожертвования, подняться над окружающей пошлостью и бездуховностью. Он готов отдать всё, не требуя ничего взамен.

Ты плакала, а слёзы, стекая с кончика носа и подбородка, капали не на асфальт, а на моё сердце. Где упали они, там остались белые пятна, как от ожогов.

По мысли поэта, именно любовь дает возможность реализоваться наиболее сокровенным началам человеческой личности.

В одном из писем А. Табунову А. Могильников написал несколько стихотворений, сопроводив их комментариями.

Это я видел не из окна, А окунувшись в зарю головою: В воздухе гасли ливни огня, Чтоб расцвести над землёй синевою. А на земле, где пронзить удалось Огненным каплям, редким и малым, Воздуха мощную толщу насквозь, Вспыхнули маки пламенем алым.

Анатолий Могильников признаётся в письме, что у него настроение как апрельский ветер, и «когда в сердце возвратилась любовь, а может быть – её тень или отблеск», он пишет такие стихи:

Лишь веки опущу, за далью голубою Сажу на берегу цветы моей весны И пристально смотрю, как щупальца прибоя К ним жадно тянутся, минуя валуны. Цветы моей мечты!.. Божественная муза Сорвёт их, разорив береговую круть.

Я снова веки поднимаю, словно шлюзы, И море нежных чувств переполняет грудь.

«Честно говоря, если ы я мог постоянно писать такие стихи, то я бы только их и писал», — признаётся Могильников в письме Табунову (Амурские вести, 1993, 13 января, с 4). Но в жизни не всегда всё складывается по-нашему желанию. В этом же письме Могильников говорит о том, что Генрих Гейне научил его «совмещать стилистически несовместимые слова» и он может «пользоваться этим, если, конечно, сердце начинает зудеть» (Амурские вести, 1993, 13 января, с 4). С «зудящим сердцем» было написано следующее стихотворение.

А после этого снова проза: Мир тревожный, швыряющий злость и презренье, Бьётся в путах ума с летаргическим сном. Только истина где-то в другом измеренье, По ту сторону разума, в мире ином. Сколько истин надумано — бесу известно. Ты раскрыла за створками чёрных ресниц, Мне одно-два окошка в зовущую бездну. В них — и власть без темниц, и любовь без границ.

Могильников поднимает тему нравственной ответственности человека перед историей, памятью предков. Примечательно в этом смысле стихотворение «На посту».

Мне не забыть, что мой почётный пост у Вечного огня однажды мною принят, — как память сердца, нерушимый мост от поколенья к поколенью перекинут.

Здесь слышу я немало слов и клятв, гляжу на сборы, митинги, парады, но сам — молчу, как будто в глотке — кляп, до боли стиснув ложе автомата.

В стихотворении «Родина» с посвящением Иннокентию, Семёну и Сергею Могильниковым, павшим в боях за Родину звучит сыновняя гордость и ответственность, память и благодарность.

Мой милый край!.. Извилистая Томь... Сюда привёл людей отважных горстку Мой прадед и поставил первый дом, чем положил начало Белогорску.

Здесь первые пшеничные ростки своим трудом — не божьим провиденьем — взлелеяли простые мужики, и я горжусь своим происхожденьем.

Мой милый край, как детство, голубой, Здесь древо жизни посадили предки, Ты — ствол его, могучий и живой, а мы не нём — его живые ветки. В тебе я вижу и отца, и друга — ты каждым утром из-за сизых туч мне запросто протягиваешь руку, а вовсе не восходный солнца луч.

Мой милый край! Пускай твои сыны — с их русскою красою деревенской — отважно пали в грохоте войны под Ржевом, под Одессой, под Смоленском, со всей Россией верный твой мужик спас целый мир со всей его культурой, когда игольчатый российский штык познал завоеватель белокурый.

Милый край! Пускай грозят огнём, пугают термоядерным ударом, пусть только знают твёрдо об одном: любой удар не обойдётся даром.

Пусть разуму и сердцу вопреки забыли вдруг о наших чувствах острых — о том, как бьют простые мужики, о том, что я — их самый близкий отпрыск.

Мой милый край! Я так тебе пою, что эти песни наши силы множат: поднимут руку пусть на мать мою — и ядерная сила не поможет.

Пусть почитают кое-где за шик считать всех нас за варваров и дурней, но наш мужик — он прежний наш мужик, он только тоньше, грамотней, культурней.

Мой милый край! Клеветам вопреки мы чувствуем Бетховена и Блока и сами пишем песни и стихи, и знаем мы, что хорошо, что плохо.

Мой милый край! Ты шёл в огонь атак не с божеским, а с ленинским гореньем... Мой прадед был — простой мужик, пермяк, и я горжусь своим происхожденьем.

Идея Н. Ф. Федорова о нравственной ответственности потомков перед предками, воплотившаяся у философа в теории будущего всеобщего воскрешения, в поэтическом мире Могильникова получает воплощение в концепции «вечной жизни» в памяти истории. Лейтмотивом проходит у поэта мотив исторической памяти, которую хранит сама Земля: «Здесь древо жизни посадили предки». Топонимическая конкретика — «извилистая Томь», «Белогорск» не только создает колорит местности, но и обозначает целостное историко-географическое пространство — единство природы и культуры.

Стихотворение «Родине» Могильников подписал «матери моей посвящаю». О ней практически нет сведений. Лишь однажды Могильников упоминает о ней в письме к Табунову.

Клокочет жизнь поэзией и прозой: когда я что-то не смогу понять, предохрани мне сердце от коррозий, моя Россия — Родина и Мать. И пусть оно в сраженьях не окрепло, — превозмогая боль и страх, шагать я буду за тобою даже в пекло, моя Россия — Родина и Мать.

Лирический герой Анатолия Могильникова — это человек, «пропускающий через себя» свою эпоху, историческую память, ощущающий неразрывную связь с природным и человеческим миром.

Мы всегда в неизвестность летим... Необычно вокруг в искры чёрное небо одето. Нам кометы мерцают, как фосфорный дым, Звёзды режут глаза беспрерывными вспышками света.

Мы ушли от Земли уж на тысячу лет. Наши сёстры и братья нас Ждать на далёкой планете остались.

С нашей скоростью движется свет — На Земле мы оставили отдых, покой и усталость. Мы вернёмся назад, чтобы снова устать И покой ощутить, чтоб навеки лишиться покоя, Чтобы вновь убедиться, что стоит отдать Человечеству всё, бесконечно душе дорогое.

Если нам суждено затеряться В пучине космической мглы Или наши сердца натолкнутся На огненный смерч метеоров, Мы сгорим в этом смерче дотла, Мы погибнем во имя Земли, Чтоб другие прошли через бездну просторов! («Песня из XXI века»)

Могильников обладал необыкновенной способностью улавливать внутренний мир человека, характерные черты и особенности своих знакомых и друзей. В стихотворении «Другу» он ярко и образно призывает не забывать «о мудрости невысказанных фраз» «ведь нас не просто вдохновенье поит».

Мы, может быть, уедем и забудем О мудрости невысказанных фраз. И будет нам казаться звёздным чудом Далёких семафоров перепляс.

Набегаемся и, как пыль осядем, Удобрив почву или отравив, — Кого забудут, окрестивши гадом, А об ином складут бессмертный миф. Ведь нас не просто вдохновенье поит — Мы под огнём немалых тысяч глаз. Вот почему нам забывать не стоит О мудрости невысказанных фраз.

В стихотворении «**Поэту Генриху Кемпфу**» Могильников пишет о силе духа.

Солёный прибой Набегает на скалы, Белея от ярости, Брызжа слюной.

Они молчаливо Его отражают И он, обессиленный, Катится прочь.

И скалы смеются До жути безмолвно Улыбкой изглоданных Серых камней:
– Пусть волны кипящие Зубы ломают!..

Генрих Яковлевич Кемпф (1908–1973) – учитель, писатель, член Союза писателей СССР с 1939 года. Работая учителем в начальной школе, организовал школьный драмкружок, для которого писал пьесы. Учился в Немецком педагогическом институте в городе Энгельс, после его окончания вернулся в свое село. Автор повестей «Солнечный день», «Красноармеец, в атаку!», «Случай», фантастического романа «Полёт Бойко на Марс», пьесы «Сандер хочет стать машинистом» для детей, а также ряда фантастических рассказов. В 1938 году был репрессирован, находился в Кокчетавской области. В 1957 году вновь вернулся к творческой деятельности; писал стихи, рассказы, пьесы. Рассказ «Они не походили друг на друга» отмечен в 1968 году на семинаре советско-немецких писателей как психологически убедительный. Для прозы и поэзии Кемпфа характерны строгая композиция и лаконизм.

Традиционная символика сердца как вместилища разнородных чувств и эмоциональных состояний лирического героя, в стихотворении «Сердце» приобретает особое значение: *«оно не может в обла-*

ках витать», так как должно трудиться на «бессменной вахте», обеспечивая систему «жизнекровеотопленья».

Я не хочу на сердце клеветать: оно не может в облаках витать, оно — как солнце на бессменной вахте, как лошадь, ослеплённая на шахте, как узник, бъётся в прутья костяные, не видя в слепоте пути земные, и трудится, несёт в себе горенье системой жизнекровеотопленья.

И не полёт — судьба его иная: работает и отдыха не знает. Когда мы спим — оно стучит в висках, работаем — оно у нас в руках, влюбляемся — воспламеняет кровь, куём — оно стучит в стальную ковь, летим — поможет нам расправить крылья, мечтаем — воплощает грёзы былью.

Оно питает разум, дух и тело, не ведая ни края, ни предела. Оно не ослепляет и не блещет, И зря поэты на него клевешут.

В конце декабря 1978 года, за месяц с небольшим до смерти, Могильников написал стихотворение «Эпилог», судя по всему, последнее, прощальное произведение, отразившее его физическое и душевное состояние. В последних письмах А. Табунову А. Могильников признавался, что главное для него – поскорее выйти на свободу.

Показательны развёрнутые метафоры: «леса в наручники невидимые холод заковал», «Но ждёт Земля весну — так ждёт свободу узник», «торопит годы, дни, торопит каждый час». Можно догадаться (даже не зная биографии А. Могильникова), что такую лексику использует человек, находящийся в заключении: «наручники», «узник», «свобода».

Мотив одиночества реализуется в стихотворении «**Ностальгия**»:

Небо мягкое и не хмурое, и из клетчатого окна мне видна далеко Маньчжурия, а Россия совсем не видна

Где ж она? Сколько глаз ни щурю я – мрак за толщею стен и лет... нет в помине меня в Маньчжурии и в России почти что нет.

Герой находится в заключении — видит небо из «клетчатого окна», ему нет места ни на родине, ни в далёкой чужой стране.

Стихотворение «Солнечный ветер» можно считать программным, так как в нём просматривается сила духа поэта:

Мне не то чтобы день, а всю жизнь не везёт, Но я полон любви и таинственно светел. Я иду, моя тень предо мною ползёт, — Дует в спину мне ласковый солнечный ветер. Не затмили любви ни наветы, ни злость, Ни централов сырых монолит многотонный, Этот ветер меня продувает насквозь, Оставляя в душе золотые фотоны!

Несмотря на *«наветы»*, *«злость»*, *«централов сырых монолит многотонный*», герой способен радоваться тому, что он *«идёт»*, а его тень пред ним *«ползёт»*. Ветер, дующий в спину, – попутный *«ласковый солнечный ветер»*, уносит всё негативное, оставляя в душе светлое, новое, радостное, свободное.

Излюбленная Могильниковым поэтическая художественная форма — восьмистишие — требует лаконичности, большой смысловой наполненности при минимуме поэтических средств. Его поэзия — самобытна и красочна, образна и насыщенна. Стих Могильникова, отмеченный строгой классической формой, достигает предельной выразительности, образной лаконичности, яркой неповторимости. Язык его стихотворений музыкален, точен и свеж.

«Генрих Гейне научил меня...»: переводы

«Ваша работа кажется мне первой за долгие годы весточкой о том, что недалеко то время, когда мы прочтём Гейне таким, каким он был на самом деле».

Лев Гинзбург (из письма А. Могильникову)

«Генрих Гейне научил меня совмещать самые стилистически несовместимые слова, и я иногда могу пользоваться этим, если, конечно, сердце начинает зудеть...» Анатолий Могильников (из письма А. Табунову)

На рубеже 1960—1970-х переводы Анатолия Могильникова, в основном с немецкого, изредка печатались в альманахе «Алтай», журналах «Сибирские огни», «Простор», в газетах «Ротэ Фанэ», «Фройндшафт». С некоторыми из поэтов, живущих в СССР, но пишущих на немецком, он вёл переписку: в частности, с Ф. Больгером и с Г. Кемпфом, которому посвятил стихотворение «Поэту и другу».

В Благовещенске единственная прижизненная публикация под собственным именем переводчика состоялась в сборнике «Приамурье моё – 1970» при покровительстве редактора М. Л. Гофмана, настоявшего на включении в этот выпуск подборки переводов Могильникова под общим заглавием «Голоса друзей». Её составили, как было сказано в авторском (в реальности, написанном Гофманом) предисловии, «переводы произведений нескольких советских поэтов, пишущих на немецком, украинском, белорусском и еврейском языках» («Приамурье моё – 1970», с. 265).

С немецкого были переведены идеологически выдержанные стихи Давида Иоста («Здравствуй, Родина!»), Генриха Кемпфа («Мечтающему другу»), Фридриха Больгера («Я в каждый новый путь несусь, стремглав...», «Мир сказочной мечты») и перевод «Баллады о троих» Иоганнеса Бехера:

Промолвил офицер: «Еврея – в яму!» «Нет!» – русский отвечал упрямо.

Тогда палач их поменял местами. «Нет!» — возразил еврей, сверкнув глазами.

«Засыпать их обоих!». Но в ответ От немца офицер услышал: «Нет!» «Его туда же с этими двоими, — Носить он не достоин немца имя!»

И немцы немца закопали с ними.

Включение этого талантливого стихотворного перевода в альманах редактор мотивировал в предисловии: «Эти стихи были опубликованы за последние шесть лет в журналах, газетах, коллективных и индивидуальных сборниках. К ним примыкает стихотворение известного немецкого поэта-коммуниста И. Бехера» («Приамурье моё – 1970», с. 265).

Сейчас невозможно точно установить, когда именно Могильников увлёкся переводами стихов с немецкого, но произошло это, как предполагает профессор А. В. Урманов, «...скорее всего, в заключении. Могильников нашёл поэта, который оказался близким ему по мирочувствию, взглядам и поэтике, которого до конца жизни он ставил выше всех прочих и называл великим — это Генрих Гейне» («Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX—XX веков», 2013, с. 268).

Можно предположить, что именно перевод стихов немецкого поэта пробудил в нём интерес и к собственному художественному творчеству – поэтическому, а затем и прозаическому.

По воспоминаниям А. Табунова, А. Могильников признавался: «Генрих Гейне научил меня совмещать самые стилистически несовместимые слова, и, как видишь, я иногда могу пользоваться этим. Если, конечно, сердце начинает зудеть» («Амур», 2006, № 5, с. 52).

Главное, чем была заполнена и наполнена жизнь Могильникова в последние годы — перевод произведений Гейне. В 1976 он отослал в Союз писателей перевод книги стихов Гейне «Такова жизнь» — всего 120 стихотворений. Оттуда рукопись была передана в издательство «Художественная литература» и попала в руки известного переводчика, поэта А. В. Парина, в 1974—1978 работавшего редактором в этом издательстве (с 2000 он — главный редактор издательства «Аграф»).

Благодарный и вдохновленный высокой оценкой своих переводов Гейне Львом Гинзбургом, Могильников рассказывал друзьям: «Потом я уже захлёбывался гейневскими оригиналами, потому как находил в них почти всё, что пережил сам. Не буквально, конечно, но внутренняя связь между его переживаниями и моими потрясающе живая. Насколько я пониманию, мои московские рецензенты прекрасно осознают это» («Амур», 2006, № 5, с. 53).

Могильников обращается к проникновенной поэзии Г. Гейне в стремлении к созданию лирики сильной, мятежной, эмоциональной и вместе с тем чрезвычайно искренней и глубокой по смыслу. А. Табунов пишет: «Гейне всегда был больше, чем поэт: символ свободомыслия, борьбы, страдания. <...>. Вообще "на" отношении к Гейне проверялась человеческая порядочность» («Амур», 2006, № 5, с. 49).

Думается, что тайна притяжения к поэтическому миру Гейне Могильникова заключается в специфике лирического таланта немецкого поэта. Генрих Гейне (1797–1856) по праву считается одним из самых талантливых поэтов Германии. Во всём, что он писал, от нежной песни до газетной статьи, ощутим мощный поток лиризма. Остроумие выражения идей в поэзии Гейне обусловливалось представлением о том, что лаконизм и изящество отражают самую сущность мира. Гейне стремился потрясать и вызывать бурю страстей.

К переводу стихотворений Гейне на русский язык обращались более 100 переводчиков. Ни один западный поэт после Байрона не приобрёл в русской литературе такой славы и любви, какой пользовался Гейне с 1830—1840-х годов.

В литературно-художественном альманахе «Амур» (2006) было опубликовано несколько переводов из Г. Гейне, сделанных А. Могильниковым.

Амурскому поэту и переводчику не чужда тема «откровения», «высшего познания» в акте слияния человеческой души с «душой мира». Гармония мира как поэтический материал, характерный для лирики Гейне, сохранился в переводе Могильникова.

Как во сне, сквозь сердце мне Проникают звоны. Звонче, песня о весне, Лейся в мир зелёный. Звон разлей, где средь полей Сад и дом заветный. Если розу встретишь, ей Передай привет мой.

В этом стихотворении господствует горячее «пристрастье» к земле, страстная любовь к природе. Герой стихотворения наяву ощущает то, что ранее доводилось постичь лишь во сне. Весна пробудила в нём силы к новой жизни, и он стремится поделиться этим обновлением со всем миром.

Герой Гейне максимально близок к самому Гейне, к Гейне с его человеческими ощущениями, чувствами. Герой Гейне, как и у других романтиков, чаще всего наедине с природой, со своими эмоциями и мыслями. Но у Гейне эта природа – настоящая, живая природа, а субъект этой лирики гораздо ближе к реальному Гейне, чем лирический герой романтиков к их реальным создателям и прообразам. Рассмотрим в контексте сказанного следующий перевод Могильникова:

Берег моря, скалы, кручи Ночь заволокла собою, месяц пробивает тучи, шёпот слышен из прибоя:

«Вон чудак – ты не приметил: То ль влюблён он, то ль помешан? Он одновременно светел, Радостен и безутешен». Месяц смехом златозвонным Отвечает: «Даже хуже – И помешан, и влюблён он, И ещё поэт к тому же».

Перед нами таинственный романтический ночной пейзаж: «берег моря», «скалы», «кручи», «месяц», пробивающий ночной мрак своими лучами. Под стать пейзажу и герой стихотворения, испытывающий амбивалентные чувства: одновременно и «радоствен» и «безутешен», «влюблён» и «помешан». Романтическое двоемирие — мир реальный и мир ирреальный — взаимопроницание контрастных чувств создают необычайное своеобразие лирики Гейне, сохранившее в переводе Могильникова.

Сквозной темой лирики Γ . Гейне является тема неразделённой любви. Эти стихи рождены любовью и нежностью к той, которая не ответила на его чувства.

Любимая, мы не забыли, Как в море наедине Мы тихою ночью плыли С тобой в лёгком челне.

На острове светлых видений В неверном свете луны

Плясали туманные тени – Их зовы нам были слышны.

Звенели неповторимо, Метались, манили туда, Но мы проплывали мимо Бесследно и навсегда.

Стихотворение похоже на сновидение: аллегории, символы, поэтические метафоры, любовь воплощены в фантастических картинах и будничной действительности.

В опубликованной подборке приведены три последние строфы 9 строфного стихотворения Гейне, процитированные А. Могильниковым в одном из писем под названием «Куда теперь?».

Россия – дивная страна! Быть может, было б лучше там мне, Но, боже мой, лихой зимой, Боюсь, не вынести кнута мне.

Смотрю я грустно в высоту, Свою звезду ищу, но тщетно — Средь мириад прекрасных звёзд Не вижу я своей заветной.

Там, в лабиринте золотом, Она запуталась, возможно, Как в грешной толчее земной Я сам блуждаю безнадёжно.

Можно предположить, что, находясь в тюремном заключении, Могильников нашёл у немецкого лирика близкую себе тему разочарования и одиночества в окружающем обществе. Могильникова мог также привлечь поэтический талант Гейне, умеющего передавать тончайшие оттенки душевных переживаний человека. Всё это отразилось в максимально приближенном переводе классического произведения, широко известного по вольному переводу М. Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...». Стихотворение Гейне вошло в сборник «Книга песен» (1816–1827), который, по словам С. П. Гиджеу, «вернул романтические чувства к их реальной человеческой основе <...> к взволнованному одинокому человеческому сердцу,

с мучительной остротой переживающему жизнь в дисгармонично неустроенном мире».

Главными темами этого сборника являются излюбленные темы романтической лирики — любовь и природа. В цикле «Юношеские страдания» (1817—1821) доминирует тема несчастной любви и любовных страданий. Поэт, страдающий от измены возлюбленной, живёт в мире призрачных видений и грёз. Любовь в представлении поэта — роковая сила, несущая в мир страдания и гибель. Исключительность и напряженность переживаний поэта превращают окружающий мир в некое наваждение. Гейне любит природу, ценит и понимает её красоту, поэтично её описывает.

Г. Гейне (подстрочник):

Пихта стоит одиноко На севере на холодной вершине. Она дремлет, белым покрывалом Окутывают её лёд и снег.

Она мечтает о пальме, Которая далеко на востоке Одиноко и молча печалится На пылающей скале.

Лирическая миниатюра Гейне отражает историю любви, к которой причастен весь мир и вся природа. В структурном отношении это стихотворение состоит из двух строф: в первой даётся описание образа «пихты» («ели»), во второй — описание образа пальмы в мечтах первого лирического персонажа и его мечта о том, чтобы второй помнил и мечтал о первом.

У этого стихотворения Гейне удивительная судьба: к его переводу обращались в XIX веке разные поэты, и мы сегодня имеем возможность сравнить эти переводы, проследить, как создавались образы, и увидеть различные подходы к искусству перевода.

М. Ю. Лермонтов:

На севере диком стоит одиноко На голой вершине сосна, И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим Одета как ризой она. И снится ей всё, что в пустыне далёкой — В том крае, где солнца восход,

Одна и грустна на утёсе горючем Прекрасная пальма растёт.

Стихотворение у Лермонтова грустное, со щемящим чувством одиночества, мечта о далёкой родной душе, тоже одинокой. Лермонтов, растянув строку с семи слогов до двенадцати, добавил слов, которых у Гейне нет: «на севере диком...», «дремлет, качаясь», «снегом сыпучим», «в пустыне далёкой», «прекрасная пальма».

В отличие от Гейне, герой Лермонтова не ищет счастья, а лишь мечтает о необходимом для человека понимании, осознавая неосуществимость этой мечты. Любовную тему — главную в сборнике «Книга песен» Гейне — Лермонтов заменил мотивом трагического одиночества. Сосна и пальма выступают как родственные души, сходные по своей горькой участи, обречённые на одну и ту же суровую судьбу: и та, и другая живут одиноко и неуютно. Обе символизируют образ человека, испытывающего в окружающей действительности чувство глубокого одиночества, подобное тому, которое испытывал сам поэт. И это чувство переживается им горестно и безысходно. Одинокая сосна не утрачивает этого чувства даже во сне. И во сне видится ей то же самое одиночество, которое она испытывает наяву.

Для сравнения приведём ещё два перевода этого стихотворения: В. Гиппиус:

На севере кедр одиноко
На голой вершине растёт,
Он спит; одеялом белым
Укрыл его снег и лёд.
Он видит сон о пальме,
Что в дальней, восточной земле
Грустит одиноко и молча
На раскалённой скале.

П. Вейнберг:

На северной, голой вершине Дуб одинокий стоит; Он дремлет — и льдом, и снегами, Как саваном белым, покрыт. И бедному грезится пальма, Что в дальней, восточной земле Нема, одиноко горюет На солнцем сожжённой скале.

Эти два перевода по ритму стиха ближе к подлиннику. И оба перевода точнее Лермонтовского. В этих трёх переводах фигурируют три разные породы деревьев: у Гейне – «пихта» или «ель»; у Лермонтова – «сосна», у Гиппиус – «кедр», у Вейнберга – лиственное дерево – «дуб».

Поэтические образы Гейне скорбят в одиночестве. Один на холодном севере, другая — в знойной пустыне. Гейне употребляет слово «пихта», на немецком это слово мужского рода, а «пальма», как и в русском, — «женского». «Он» и «она», оба страдают в одиночестве.

В переводе Лермонтова эта смысловая тонкость исчезла: «сосна» и «пальма» – слова женского рода. Гиппиус и Вейнберг сохранили поэтические образы «его» и «её», превратив «пихту» (или «ель») в «кедр» и «дуб».

«Лермонтов женским родом сосны отнял у образа всю его любовную устремлённость и превратил сильную мужскую любовь считает лингвист-академик прекраснодушные мечты», Л. В. Щерба. Слово «пихта» в немецком языке мужского рода, поэтому в стихотворении силён любовный мотив, отсутствующий у Лермонтова. Стихотворение Гейне вызвано трагическими переживаниями, связанными с несчастной любовью поэта к кузине Амалии. Лермонтов заменил тему неразделённой любви более важной для него темой – вечного одиночества человека в мире, тем самым «поднимает» свой перевод к одному из основных мотивов своей лирики. У Лермонтова смысл стихотворения не в том, что мужчина разделён с любимой женщиной, а в одиночестве человека, оторванного от другого человека. Стихотворение Гейне – любовное, Лермонтова – философское. У Лермонтова больше эпитетов и метафор, чем в оригинале, что делает стихотворение более эмоциональным.

Рассмотрим ещё несколько переводов этого стихотворения Гейне. Ф. И. Тютчев «С чужой стороны» (1826)

На севере мрачном, на дикой скале Кедр одинокий под снегом белеет. И сладко заснул он в инистой мгле, И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму всё снится ему, Что в дальних пределах Востока, Под пламенным небом на знойном холму Стоит и цветёт одинока. Тютчев озаглавил стихотворение, чего нет у Гейне. У Тютчева появляется «кедр». В немецком языке эти слова одного грамматического рода — мужского. В этом выразилось стремление Тютчева к точности передачи образности и смысла подлинника, так как у Гейне речь идёт именно о любовном томлении, одиночестве любящих. У Тютчева больше эпитетов, чем в подлиннике. В переводе Тютчева усиливаются мрачность, грусть. Тютчев стремился передать не только основное настроение, но и лексическое, метрическое и образное своеобразие подлинника. Перевод Тютчева максимально приближен к метрическому строю оригинала.

А. А. Фет:

На севере дуб одинокий Стоит на пригорке крутом; Он дремлет, сурово покрытый И снежным и льдяным ковром.

Во сне ему видится пальма В далёкой восточной стране, В безмолвной, глубокой печали, Одна, на горячей скале...

Фет полностью «пересаживает» стихотворение Гейне на русскую почву, заменяя «сосну» на «дуб», «отвесную скалу» — на «крутой пригорок» и т. д.

Перевод М. Михайлова:

На северном голом утёсе Стоит одинокая ель. Ей дремлется. Сонную снежным Покровом одела метель. И ели мерещится пальма, Что в дальней восточной земле Одна молчаливо горюет На зноем сожжённой скале.

М. Михайлов стремился к точности перевода, слово «ель» сохранено в его переводе, от этого стихотворение приобретает более обобщённый смысл, на первый план выходит тема одиночества.

Перевод А. Майкова:

Инеем снежным, как ризой, покрыт Кедр одинокий в пустыне стоит.

Дремлет, могучий, под песнями вьюги, Дремлет и видит — на пламенном юге Стройная пальма растёт и с тоской Смотрит на север его ледяной.

А. Майков сохранил тему одиночества любящих, их невозможности быть вместе и тоже при переводе «ель» заменил на «кедр». У него нет деления на строфы, несколько другой ритм, но настроение стихотворения Гейне передано точно.

Перевод Анатолия Могильникова:

Развесистый кедр на севере дальнем, Уснув на скалистом холме, Застыл одиноко, и снегом кристальным Его заметает во тьме. И снится ему, что вот так же печально В далёкой пустынной земле Стоит и грустит одинокая пальма На выжженной солнцем скале.

У Могильникова нет деления на строфы, сохранена любовная тема. Как Майков, Тютчев и Гиппиус, Могильников заменил «ель, пихту» на «кедр», сохранив родовой признак — мужской род. Перевод Могильникова несколько зеркален, несмотря на то, что он не выделил строфы, стихотворение без усилий делится на две зеркальные части. В первой части «на севере дальнем» (не мрачном, как у Тютчева), «раскидистый кедр» застыл под «снегом кристальным», то есть он искрится и поблёскивает, несмотря на то, что «его заметает во сне». Могильников точен при передаче скованного, оледенелого состояния главного героя.

Во второй — «далёкой пустынной земле» (второй раз подчёркивается равноудалённость друг от друга пальмы и кедра), «грустит одинокая пальма» «на выжженной солнцем скале». На палящее солнце и кристальный снег трудно смотреть, хочется прикрыть глаза. Кедр стоит на скалистом холме, а пальма на скале — даже местоположение у двух любящих практически одинаковое. Кедр застыл одиноко, а пальма «стоит и грустит одиноко».

Гейне любит природу, ценит и понимает её красоту, удивительно поэтично её описывает. Он прибегает к живописным природным образам для изображения чувства тоски и отдаленности двух любящих друг друга живых существ — так появляются образы «кедра» и «пальмы», юноши и девушки.

В своём переводе Могильников сумел не только уловить, но и сохранить суть стихотворения Г. Гейне — некий мужчина (образ, передающийся словом мужского рода), скованный по рукам и ногам внешними обстоятельствами, стремится к недоступной для него и тоже находящейся в тяжелом заточении женщине (образ, передающийся словом женского рода). Существенной особенностью немецкого текста является противопоставленность родов слов, обозначающих главных героев произведения (образы пальмы и сосны), которая позволяет разглядеть пейзажную аллегорию, иносказательно изображающую трагическую любовь двух возлюбленных, отделённых друг от друга расстоянием, обстоятельствами.

Как отмечено выше, стихотворение композиционно и по смыслу состоит из двух равных строфе частей, что подтверждается и на ритмическом уровне. Мелодико-композиционный рисунок показывает, что первая часть стихотворения с постепенно возрастающим уровнем звучности начинает создание картины одиночества, скованности и страдания возлюбленного, и предваряет вторую часть, в которой эмоциональная напряженность достигает самых высоких показателей в тексте. Общий высокий уровень звучания последней части продиктован смысловой и эмоциональной значимостью строк: завершение создания картины одиночества и тоски героев: «на выжженной солнцем» скале, вообще, кроме пальмы нет никакой жизни. Пальма трагически одинока. Под лучами палящего солнца смогла выжить только она одна.

Могильников стремится точно передать главную мысль стихотворения Гейне – горечь разлуки с любимым человеком. Лирический герой остро переживает горечь разлуки с любимой, и поэтому автор меняет образ «сосны» на «кедр» (чего требуют правила русской грамматики), но не меняет аллегорию, заданную в немецком стихотворении.

Могильникову удалось на ритмико-композиционном и мелодико-семантическом уровне показать своеобразие немецкого стихотворения. Он сохранил композиционно-смысловую напряженность оригинального текста, нисколько не снизив при этом эмоциональную нагрузку гейневского произведения.

В стихотворении нет ни одного слова любовной семантики, но в каждой строке чувствуется желание любить и быть любимым. Образ возлюбленной неустанно преследует *«развесистый кедр»* и в мечтах, и в сновидениях. Фраза *«И снится ему, что вот так же печально»* обнажает не только мотив несчастной, неразделенной любви, но и тему одиночества, истолкованную как горький, трагический итог самого бытия.

Личная судьба А. Могильникова была трагична. На недолгую жизнь поэта выпали два тюремных срока, материальные лишения, бездомность, безнадежное ожидание так и несбывшейся любви. Все это нашло отражение как в лирике поэта, так и в его переводах.

Обращая внимание на звуковой строй стихотворения, можно сказать, что благодаря аллитерации на шипящие [ж], [ш] и ассонансу на [а], образ воспринимается как осязательный и слуховой. В воображении явно встаёт зрительная картина выжженной нещадно палящим солнцем скалы.

Свойственное Гейне мастерство звуковой организации текста становится в переводе Могильникова средством построения и передачи глубокого содержания. Мелодия музыкального стиха Г. Гейне, принесённая из XVIII века, нужна ему для особых целей, она помогает соединять, конструировать особым образом смысловые оттенки. Связанные друг с другом единой, хорошо знакомой мелодией, слова окрашиваются одной эмоцией, и их странный порядок, их иерархия делают обязательным повтор гласных и согласных. Выразительные возможности звуковых повторов (аллитерации, ассонанса) давно известны и широко используются поэтами. Аллитерация изображает происходящее, имитируя природный звук. Следовательно, даже такая минимальная единица, как звук, не имеющая собственного семантического наполнения, при включении в художественную организованную речь создаёт дополнительную эстетическую и смысловую нагруженность высказывания за счёт выполнения изобразительной и экспрессивной функций.

Проанализировав и сопоставив немецкое стихотворение Г. Гейне и несколько вариантов его перевода на русский язык, выполненных известными русскими поэтами, можно сказать, что все они сделаны на высоком уровне и отражают ту внутреннюю свободу, которую переводчики сохраняют по отношению к своим произведениям, и связаны с их собственным поэтическим творчеством.

Во всех рассмотренных стихотворениях-переводах сохранён основной композиционный приём — антитеза. Каждый поэт привнёс в перевод что-то своё: Михайлов переводит почти буквально, Тютчев усиливает мрачность и грусть, Лермонтов придаёт теме философскую, мировоззренческую глубину, обнажая центральную тему своего творчества, гейневская тема безнадежной любви мужчины к женщине заменяется темой горького одиночества.

Могильников, при минимуме изобразительных средств, передал симметричность ощущений кедра и пальмы, они словно отражаются друг в друге, влюблённые, они смотрят друг на друга и видят себя словно в зеркале, пусть только лишь во сне. Может быть, Гейне хо-

тел, чтобы его возлюбленная мечтала о нём так же, как он мечтал о ней. Может быть, Могильников испытывал те же самые эмоции, поэтому ему удалось так точно перевести это стихотворение Гейне. Могильникову удалось не только сохранить гейневский мотив скованности человека, но и показать одиночестве человека на земле.

Как для любого поэта, материя стиха являлась для Могильникова неотъемлемой частью выражения его внутреннего мира, он не только продемонстрировал своё ощущение и понимание текста подлинника, но самое главное, смог в переводном стихотворении отразить свой поэтический мир.

Поэзия Могильникова характеризуется тематическим разнообразием: природа, философия, любовь; и обширной проблематикой: общественно-политическая, место поэта в мире, роль поэзии в жизни.

Излюбленная Могильниковым поэтическая художественная форма — восьмистишие — обладает лаконичностью, большой смысловой наполненностью при минимуме поэтических средств. Стих Могильникова достигает предельной выразительности, яркой неповторимости, язык музыкален, точен, свеж.

Обобщая все предыдущие размышления по поводу феномена поэтического перевода Г. Гейне в творчестве А. Могильникова, необходимо отметить, что обращение русского поэта к немецкому способствовало формированию собственного поэтического стиля Могильникова, основанного на напряжённом драматизме, простоте и лаконизме, богатстве акустического и музыкального пространства оригинала, его метрической и жанровой специфике. Именно это позволяет амурскому автору поставить свои переводы Гейне рядом с шедеврами мировой литературы и открывает новые грани его таланта, исследованию которых принадлежит будущее.

«Я одержим неизлечимой тягой...»: проза

Смотрю я грустно в высоту, Свою звезду ищу, но тщетно — Средь мириад прекрасных звёзд Не вижу я своей заветной.

Анатолий Могильников

Журналист и друг Анатолия Могильникова Александр Табунов утверждает, что прозе Могильникова предшествовала публицистика: в частности, памфлет «Ископаемое», «посвящённый некой весьма и весьма высокопоставленной персоне из обкома партии», а также

«очерк про шестьдесят восьмой чехословацкий год», который «даже кагэбешников поразил своей силой» («Амур», 2006, № 5, с. 50).

По свидетельству А. Табунова, рукописи обоих текстов, написанных в конце 1960-х, были изъяты у Могильникова сотрудниками КГБ. «Писалось "Ископаемое", разумеется, в стол. Что вовсе не помешало извлечь его оттуда и "зарыть" поглубже четверым добрым молодцам в коричневых плащах. "Ах, зачем эта ночь так была коротка!", – припевал он, делясь впечатлениями от обыска.

Без лишнего шума запретили доморощенному памфлетисту печататься в пределах нашей области. Потом, так же негласно, разрешили опять» («Амур», 2006, № 5, с. 50).

В сентябре 1970 года на страницах газеты «Советское Приамурье» был напечатан рассказ «Дальневосточники» с посвящением комсомолу Приамурья. Необходимо отметить, что после начала войны Дальний Восток стал резервом для Красной армии: здесь формировались запасные части и соединения, обучались призывники, готовились командные, политические и инженерные кадры. Первые войска с Дальнего Востока перевезли ещё накануне Великой Отечественной войны для усиления западной группы войск. Их задействовали в первые месяцы войны в оборонительных операциях на западном и юго-западном направлениях. Новая переброска войск из дальневосточного региона была осуществлена на начальном этапе войны. Переброска войск с Дальнего Востока продолжалась до 1944 года, когда во время летне-осенней кампании последний раз отправили войска из региона на запад. Всего за годы Великой Отечественной войны из края были откомандированы 23 дивизии и 19 бригад, и почти все они сосредотачивались на западном направлении. Если до войны на Дальнем Востоке, по статистике, на 72 женщины приходилось 100 мужчин, то уже к 1945 году количество женщин здесь превышало число мужчин в полтора раза, а девушек 18-27 лет было почти в два раза больше, чем юношей этого же возраста.

В основе сюжета рассказа «Дальневосточники» — суровые, полные драматизма будни солдат комсомольцев-дальневосточников на передовой линии фронта Великой Отечественной войны.

Рассказ начинается с описания ужаса немецкой бомбёжки, под которую впервые попали молодые необстрелянные бойцы молодёжного батальона: «С душераздирающим воем пикировали «юнкерсы». Как карточные домики, разваливались вагоны. Рельсы завивались спиралями. Бежали женщины, дети и старики, и среди оглушающих взрывов прорывались крики ужаса. Бойцы молодёжного батальона в неодолимом страхе разбегались от разбитого вдребезги эшелона. Налёт прекратился столь неожиданно, как и начался».

Могильников использует военную обстановку как фон — в центре его пристального внимания состояние, сфера подсознания и судьба человека, оказавшегося на фронте. «Красноармейцы понемногу сгруппировались. Во взводе лейтенанта Шнягина одного не досчитались. Последовала команда, и началась прочёска жидкой осиновой рощицы к северу от железнодорожного полотна. Боец Куксин, рыжий, коренастый парень, и комсорг взвода Быков, лесоруб с Хора, чуть ли не саженого роста, наткнулись на пропавшего у самой опушки. Тщедушный тонкошеий боец, на котором, как на колу висело обмундирование, закрыв лицо руками, плакал».

Нам, живущим в мирное время, сложно представить, как бы мы повели себя под немецкой бомбёжкой. Реакция на такое страшное событие может быть любой — от всепоглощающего ужаса до отважного бесстрашия. Примечателен в этом плане разговор, который состоялся между бойцами.

«Куксин подскочил к нему.

– Ты чего, гад, сбежал? – окрысился он, тыча плачущему бойцу в бок карабином.

Боец вскинул голову и поглядел на Куксина широко раскрытыми голубыми глазами.

- Размазня! сказал тот. A ещё комсомолец! Да тебя как дезертира...
- Тпру! перебил Быков. Приехали! Не читай мораль, сам-то небось... Да и я тоже. Это с непривычки. Пойдём, Саша!

Саша с благодарностью посмотрел на комсорга. Куксин шёл впереди и бубнил себе под нос, что от трусости до измены один шаг, приправляя свою речь крепкими русскими словечками. Быков догнал его, взял за шиворот своей ручищей, тряхнул и сказал:

– Сто раз тебе уже говорил будет пустомелить! По-русски не понимаешь, храбрец липовый? Смотри, как бы этот парень не утёр тебе нос.

Куксин промолчал и только глаза отвёл, не выдержав сжигающего взгляда комсорга. Он знал, что внешнее спокойствие комсорга страшнее всего».

Здесь Могильников акцентирует внимание на взаимоотношениях бойцов, используя физическую и психологическую портретную характеристику.

Далее автор показывает путь батальона к линии фронта, через разрушенные фашистами русские города, посёлки, сёла. «Вскоре батальон был на марше, а спустя час втягивался в полуразрушенный рабочий посёлок. Повсюду дымились развалины кирпичных домов,

догорали ощетинившиеся головёшки срубов, тянуло гарью, запахом тротила и обгоревших трупов».

И вновь Могильников вводит нас в мир внутренних переживаний уже знакомых нам героев, увидевших весь масштаб трагедии: «Саша Смирнов леденел от ужаса. Комсорг мрачно курил, а Куксин едва уловимо улыбался».

Война — не место для рефлексии. Вскоре комбату — капитану Огневу «смертельно уставший лейтенант с провалившимися глазами» вручил пакет с дальнейшим указанием пути. «Через полчаса тряской езды по просёлкам комсомольский батальон оказался недалеко от передовой.

— Хорошо, что под бомбёжку попали, — сказал комвзвода Шнягин комсоргу. — Теперь не так бояться будут.

Навстречу тянулись легко раненые красноармейцы, то и дело спрашивая, где медсанбат.

- Откуда, ребятки? крикнул усатый старшина, ловко подскакивая на левой ноге и лишь чуть опираясь на самодельный костыль.
- С Дальнего Востока, отвечали бойцы наперебой, с любопытством и уважением разглядывая человека, побывавшего ТАМ, на передовой.
- И куда этих детей гонят! сокрушённо сказал старшина стоявшему рядом седовласому бойцу. Мужчина не всякий выдерживает...
- Ты ещё не знаешь этих детей, возразил боец. Это же дальневосточники. Стреляют как дьяволы. Ни пули в небо...».

В этом эпизоде поднимается проблема моральной ответственности человека за судьбы других людей, ценность человеческой жизни.

Следующий эпизод раскрывает

«Высовываться из траншеи было опасно— немецкий пулемётчик стрелял почти беспрерывно. Рядом с Сашей Смирновым пристроился семнадцатилетний, похожий на мальчика нанаец по имени Удога. Саша сначала не обращал на него внимания, осмысливая весь ужас увиденного им недалеко от передовой, свой первый непреодолимый порыв страха. Так рвался на фронт, и вдруг— струсил! Но потом отвлёкся, заметив, что Удога укоризненно мотает головой и прицокивает языком.

- Ты что, Удога? настороженно спросил он, мысленно вообразив, что тот сокрушается по поводу разговоров в батальоне, вызванных Сашиным бегством во время первой бомбёжки.
 - Плохой его люди! − ответил нанаец.
 - *− Kmo?*
 - Немец.

- это почему?
- Его стреляй, порти много патроны. Хороший люди так не делать. Мне его, однако, убивать надо.

Саша с сомнением покачал головой, снял каску и осторожно выглянул из-за бруствера. До позиции врага было не менее четырёхсот метров.

– Далеко, Удога, не nonadёшь, – сказал он.

Глаза нанайца загорелись. Молча передёрнул затвор карабина. На пулемёте немца — оптический прицел, поэтому он сразу заметил бойца. Через мгновение пули пышными султанчиками взрыхлили землю перед лицом Удоги. Тот съёжился, сжал зубы и приник к карабину. Треснул выстрел, и едва видимый простым глазом фашист клюнул носом. Крик ликования вырвался из наших траншей, и тотчас началась ожесточённая ружейно-пулемётная перестрелка. Дальневосточники действительно стреляли как дьяволы, и фашисты, понеся значительные потери, замолкли. Они помолчали, но потом обрушили десятки снарядов на позиции наших. Видимо, немцы подумали, что на этот участок советское командование бросило большое количество снайперов. А ещё некоторое время спустя неприятель пошёл в атаку. Бойцы уже привыкли к свисту пуль и спокойно выбирали цели, буквально выкашивая врага. Немцы откатились, и снова взрывы и тучи пыли вздыбились вокруг советских окопов».

Могильников избегает комментаторства, он больше показывает, чем рассказывает, и создает кинематографический эффект присутствия, пользуясь такими средствами, как жест и психологический контраст. Действие так приближено к читателю, что категория пространства исчезает: он становится как бы непосредственным свидетелем поединка человека с самим собой и человека с врагом.

«Танки появились неожиданно, выскочив из-за косогора, в который врезался «юнкерс», стреляя на ходу из пушек и пулемётов. Батальон сибиряков, левый сосед Огнева, интенсивным оружейным огнём «ссадил» немецких десантников с брони, но танки, лишившись пехотного прикрытия, взревели и на большой скорости рванули к позициям русских. Заговорила батарея, расположенная справа. Два танка задымились. Из одного выпрыгнули танкисты, тотчас павшие под огнём винтовок. Но второй, пылая, упорно полз на батарею. Через несколько секунд ворвался в её расположение и закрутился, вминая орудия в подтаявшую чёрную землю, перемешав зарядные ящики с телами артиллеристов...».

Эту «кровавую работу» с содроганием наблюдает Саша Смирнов: «Взорвались бензобаки. Танкисты выскочить не успели, и танк

уже карёжил взрывавшийся боезапас. Он одиноким факелом догорал среди измятых орудий и измешанных в кашу людей...».

Раскрывая внутренний мир бойцов, Могильников стремится понять глубинные качества их души. «Огнев видел, как Смирнов закрыл глаза. "Что думает сейчас этот солдатик?". А перед взором Саши предстала картина, виденная им недалеко от передовой: разбитые дома, их рыдающие обездоленные хозяева, сумасшедшая женщина с трупиком ребёнка на руках... Когда Саша уходил на фронт, его жена Галка была беременной. "Должно быть, сын будет", — подумал он и вновь вспомнил сумасшедшую женщину. Комбат даже услышал, как этот солдат скрипнул зубами».

Фрагмент, передающий состояние человека в обстановке боя, выписан зримо и предельно точно. «Сашу затрясло от ярости. Оставшиеся четыре танка приближались. Куксин, до сего времени храбрившийся, втянул голову в плечи и со страхом глядел на вражеские машины; несколько раз порывался бежать, но Быков хватал его за ворот расстёгнутой гимнастёрки и, стараясь перекричать взрывы и выстрелы, ревел ему в ухо:

— Застрел-лю, своло-лочь! Понятно?!?».

В этой ужасной обстановке тщедушный Саша Смирнов, смертельно испугавшийся первой бомбёжки, повёл себя как бывалый солдат, потому что осознал, что долг воина — защищать свою землю и всё живущее на ней, пусть ценой собственной жизни, зато по совести. Потому что иначе поступить не может.

«Смирной молча вырвал у комбата связку гранат и выполз из окопа. Комсорг Быков схватил было его за ногу, но, получив другой в челюсть, упал на дно траншеи. Крепко выругался, увидев, что Куксина рядом не оказалось.

 $\hat{-}$ Дезертировал, сволочь! — с яростью порычал он и стал наблюдать за Смирновым.

Саша, сбросив каску и телогрейку, пополз между вывороченных комьев земли. Танкам до окопов оставалось менее ста метров. Всё это происходило в считанные секунды, но бойцам они казались вечностью. Куксин, забравшись в шиповник, где прятался немецкий лётчик, следил за Смирновым. Ему было страшно. Челюсть отвисла. Он не понимал, как этот парень, почти мальчик, стеснительный, как девушка, краснеющий, когда произносят ругательство, решился пойти на поединок с этим бронированным чудовищем.

Танк шёл на Сашу. Закусив щеку, боец прыгнул в небольшую воронку, и едва машина поравнялась с ним, швырнул связку гранат под левую гусеницу. Так закрутился на месте, наехал на воронку, где сидел Саша, и остановился...».

Автор оставляет открытым финал своего рассказа. Очень хочется верить в то, что Саша Смирнов не погиб, вступив в неравную схватку с немецким танком.

Могильников мастерки выстроил художественный мир вокруг военного повествования вокруг организующего центра — образа человека, акцентируя внимание на проблеме «человек и война». Если в военное время главной задачей художественной литературы была мобилизация народа на борьбу с фашизмом, утверждение и воспевание подвига солдата, то в послевоенные годы писатели в своих произведениях показывают трагическую правду войны, разносторонне осмысляя проблему «человек и война». Центральная проблема рассказа «Дальневосточники» — человек и война, нравственный выбор. В связи с этим характерной чертой этого произведения является психологизм, связанный с переходом от непосредственного изображения событий к художественному исследованию внутреннего мира человека.

В представленном рассказе заметен интерес Могильникова к изображению человеческих чувств, психологии героев. Писатель не создает подробны, развёрнутых психологических портретов бойцов, но в изображении их действий, поступков и взаимоотношений, чувствуется умение художника понять и воспроизвести тончайшие движения, колебания и порывы человеческой души.

А. Могильников в рассказе «Дальневосточники» не создает уникальных героев, он пишет о простых солдатах, которые относились к войне как к трудной работе и выполняли её добросовестно, честно. Они всегда, как бы ни было им трудно, холодно, голодно, больно, помнили о своих близких, родных, выполняя воинский долг.

Благодаря переписке Могильникова с Табуновым мы узнаём, что Анатолий Иннокентьевич пробовал писать и «большую прозу» – повести и романы.

В одном из писем Могильникова к А. Табунову читаем: «"Дорогу в рай" я закончил. Получился средненький военный роман. Средненький — по объёму. Раза в три, не, в четыре больше первого варианта» (24.09.77). И далее в этом же письме: «Кстати, в "Дороге в рай" фигурирует Ф.А. Володин с его закапыванием в землю. Правда, потом я из него делаю настоящего борца — честно говорю, пожалел старика (ой-ой!). Конечно, читая этот роман, он испытает унижение, но, в конце концов, будет удовлетворён и даже возвышен».

Узнав о такой реакции знакомых ему газетчиков, А. Могильников обиделся и незадолго до смерти рукопись забрал. Предложение попытаться напечатать повесть под псевдонимом он категорично отверг. Судьба этой рукописи, как и всего архива Могильникова, остаётся неизвестной. В одном из писем он упоминал, что почти все его ненапечатанные вещи хранятся у матери. Однако родственники Могильникова после его смерти Малиновку покинули, следы их затерялись.

Рукопись повести «Странные люди», о работе над которой Могильников упоминал многократно, тоже бесследно исчезла. О содержании этого произведения можно только лишь догадываться по кратким сведениям из писем А. Табунову. «Написал ещё повесть "Странные люди". В основе – некоторые автобиографические факты, но принципиально – вымысел, в особенности психологические выкладки. Собственно, даже не вымысел, а средоточие известных мне характеров. Короче, об этом не расскажешь – нужно просто прочитать» (24.09.77).

В этом же письме Могильников сообщает, что «...и ещё одну повесть написал, по сути — большой рассказ, фантастический, с астронавтами и аборигенами. Что-то ещё в душе зреет, но что — не знаю» (24.09.77). Как можно догадаться, речь шла о фантастической повести «Потерянные пенаты».

Машинописная рукопись повести «Потерянные пенаты» хранится в литературно-краеведческом музее БГПУ, куда она была передана А. Табуновым.

В настоящий момент существуют три основных жанра фантастики – научная фантастика, фэнтези, ужасы. Основные фантастические жанры прошлого – фантастическое путешествие и утопия.

На рубеже XIX—XX веков, в связи со становлением и развитием научного мышления функцией фантастики стало художественное воплощение социальных противоречий, разрешение которых происходило в пределах действительности. Фантастика начинает предлагать свой мир как единственно возможную реальность, что особенно заметно в литературных утопических произведениях.

В эпоху преобладания научного мышления на роль ведущего типа фантастики выдвигается так называемая научная фантастика. Здесь на первый план выходят художественные образы, в основе которых лежат научные гипотезы и представления.

Термин «научная фантастика» ввёл писатель Хьюго Гернсбек в конце 1920-х. Только в научной фантастике возникает ситуация, невозможная ни в сказке, ни в фантастическом вымысле. В отличие от тридесятого царства, в отличие от края света, дно, недра, космос действительно существуют.

Жюль Верн – зачинатель научной фантастики, основанной на научном правдоподобии и на научном предвидении. Герберта Уэлл-

са интересует не столько техника, сколько её влияние на человека и общество, не устройство машины, а социальные и нравственные последствия применения изобретений и открытий. Так возникли и поныне продолжают свою жизнь в литературе два основных направления научной фантастики: инженерно-техническое и социально-психологическое, не исключающие друг друга, зачастую сливающиеся воедино.

Авторы научно-фантастических произведения не только должны стоять на уровне современной научной разработки тех проблем, которым посвящены их книги, но и должны владеть мастерством изображения человеческих характеров и отношений. Научная фантастика вбирает в себя вопросы, связанные не только с развитием науки и техники, характеризуется стремлением к широкой психологической разработке характеров, обращением к юмору.

Отечественные научно-фантастические произведения характеризуются жанрово-тематическим разнообразием.

- 1. Книги без научных объяснений, научной основы, взывающие более к романтике, чем к логике. Таковы, например, «Блистающий мир» и «Бегущая по волнам» А. Грина, знакомящие с чудесами, не давая им объяснений.
- 2. Книги, описывающие явные чудеса, например, человека, летающего по воздуху благодаря силе воли в романе «Ариэль» А. Беляева. В «Генераторе чудес» Ю. Долгушина повествуется о людях, общающихся между собой посредством мысли. Объяснения чудес основаны на новых, ещё не возникших науках.
- 3. Произведения Г. Адамова, Й. Ефремова, А. Казанцева, В. Немцова, построенные на воображаемых открытиях ныне существующих наук.
- 4. Произведения, основанные на реально существующих изобретениях и принадлежащих как к научно-популярному, так и научнофантастическому жанру. Подобные «Магнетрону» Г. Бабата и А. Гарф.

Повесть «Потерянные пенаты» относится к научнофантастической литературе.

Космический корабль «Иохаанан» нёс на борту весьма сложный комплекс научно-технического оборудования. Повесть насыщена научно-техническими терминами и понятиями: «все виды силовой тяги, включая движители на химическом и термоядерном топливе», «антигравиаторы», «фотонные и тахионные ускорители» и пр. Как объясняет автор: «Последние позволяли преодолевать световой барьер скорости и применялись довольно редко и в самых критических ситуациях, потому что при фотонной скорости время останавли-

валось, а при тахионной начинало идти вспять, что могло вызвать нежелательное омоложение организмов астронавтов».

Астронавты пользуются «индикатором индустриальных цивилизаций», который при наличии аграрной цивилизации показывает нуль; «автопланетоход, для исследования биохимического режима на поверхности»; «биоимпульсный будильник, сигналы которого проникают непосредственно в часть головного мозга, ведающую сном и бдением»; «телевидеолокатор, принимающий сигналы автопланетохода»; «космошлюпка»; «плазмер»; «вольтер», способный шокировать или уничтожить животное любого размера»; «ядобактериодозиметр».

Главными героями повести являются пять членов экипажа космического корабля «Иохаанан»: командир корабля Джон, бортинженер Иоганн, врач-биолог Жан, контактёр — специалист по контактам с цивилизациями — Иван и химик-универсал Хуан. «...каждый из них мог свободно заменить другого, однако, как подобает людям, каждый занимался тем делом, какое ему было более по душе». Возникает ассоциация с пятью пальцами руки: каждый выполняет природой заложенную функцию, но в совокупности — орудие деятельности человека. Обратим внимание на эту деталь, отличающую человека от животного.

Также необходимо обратить внимание на имена астронавтов. Антропонимы позволяют предположить национальность героев: Джон – англичанин (или американец), но судя по его сдержанности, вероятнее всего, англичанин; Иоганн – немец; Жан – француз; Иван – русский; Хуан – испанец.

Астронавты посещают три планеты, на каждой из которых проводят изыскания. «Джон измерял радиацию воздуха, Иоганн испытывал автомахолёты, Жан собирал образцы трав, Хуан производил биохимический анализ почвы и растений, а Ивану поручили обследовать окрестности».

На первой планете всё было необычным: «...под лёгким веерком раскачивались лиственные деревья, совсем как в земных оазисах, а на ветвях тучно отвисали плоды, внешне напоминающие земные яблоки. Однако и деревья, и плоды были гораздо больших размеров, нежели земные». «Газовый ореол планеты по всем основным параметрам напоминал земную атмосферу, исключая засорённость последней химическими отбросами цивилизации».

Обитатели планеты также вызывали исследовательский интерес: «Рядом с ним вился рой больших, величиной с колибри, мух», которые «пикировали на румяный треснувший плод величиной с хороший арбуз, напоминающий яблоко»; «...муравей, похожий на земного, толь-

ко величиной этак с локоть, а передние его лапки представляли копию пятипалой человеческой руки»; «...поведение муравья было несколько необычным и напоминало образ действия существа, имеющего зачаточное мышление».

На планете жили лишь «насекомые, напоминающие земных, u – никаких признаков теплокровных животных».

Планета оказалась с ядром, искусственно начинённым ртутью, «иначе она при своих линейных размерах не смогла бы удержать такую атмосферу и стабильно держаться на орбите.

При помощи электронного толмача астронавты могли понимать язык жителей планет. Иван, не выключивший прибор, случайно оказался свидетелем разговора двух мух, из которого узнал, что планета называется Пламух (не трудно догадаться — Планета Мух). Астронавты своими изысканиями невольно нарушили экологическое равновесие планеты. А ведь они должны соблюдать законы вселенной — «уничтожение даже нескольких особей на планете может самым неожиданным образом изменить русло естественной эволюции».

На соседней планете «хозяйничали существа, напоминающие земных собак. При помощи биоимпульсного толмача, прибора, понимающего и передающего мысли через биотоки головного мозга, Иван мог читать мысли любых живых существ.

На планете псов Плапс со столицей Гундесбург (Собакоград) (ассоциация — Сталинград — одинаковое количество букв и почти одинаковый набор букв) все подчинялись Верховному Псу, сидящему в Центральной Конуре (может быть, А. Могильников так расшифровывает Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза). Псы держали в рабском подчинении хомосов — людей. Из мыслей Верховного Пса Иван узнал положение дел на Плапсе: «Этот двуногий человек очень похож на наших хомосов. Ум его развит непомерно, знания его не имеют границ. Он никогда не поймёт нас, собак, которым Природа не дала конечностей, способных создавать орудия труда и войны».

Хомосов — похожих на людей, имеющих человеческие руки, способные воплощать мысли и идеи, пугали Верховного Пса. Хомосам не разрешалось ходить на двух задних ногах, собаки держали их в страхе быть укушенными или разорванными за неповиновение этому закону.

В собачьей империи была строгая иерархия: Верховный Пёс — Региональный Пёс — Областной Пёс — Районный пёс. Самыми низшими были псы-надзиратели, в обязанности которых входило: «заставлять хомосов работать и строго следить, чтобы те без рабочей нужды не вставали на ноги».

Можно предположить, что в данном случае Могильников применил аллегорию – тоталитарного государства, напоминающего Россию периода правления Сталина, когда люди загонялись в лагеря и не имели права жить на свободе в полный рост.

Слова Ивана, адресованные хомосам, можно рассматривать, как пророческие: «Хомосы, люди, братья мои. Помочь я вам не могу—таков закон Вселенной. Но вы сами можете помочь себе. Вы умны, сильны и ловки. Вы можете пользоваться орудиями труда и создавать их. А я подскажу вам лишь одно: собака больше всего боится палки. До остального вы сами додумаетесь...».

Могильников не даёт портретов астронавтов. Более подробно он описывает командира корабля Джона: у него «хмурое бородатое лицо», «он казался несколько грубоватым и властолюбивым». Но, тем не менее, «был любимцем не только экипажа, но и всего Земного Космического Центра».

Могильников, скорее, склонен к психологической характеристике астронавтов: «В душе Джон был не меньше лириком, чем жизнерадостный Жан, человеколюбивый Иван или сентиментальный Иоганн. Тем ценней были его душевные качества, что расходовал он их бережно, без показного эффекта. Его командирские способности вызывали восхищение». Контактёр Иван единственный из членов экипажа, обладающий «синтезом двух качеств: решительности и сдержанности, не перевешивающих друг друга».

На планете Земля, откуда прибыли астронавты, власть отдана не политикам, а учёным. «Политиканы» были сосланы на Марс, они «грозились взять реванш, но были поразительно слабоумны, и угрозы их люди всерьёз не принимали». «После Великой Земной Перетряски люди соорганизовались в Общеземное Товарищество, которое впоследствии переродилось в Братство Людей Земли. Каждый занимался тем, что позволял предел его способностей. Понимание этого воспитывалось с колыбели, а впоследствии приобрело стойкую генетическую основу. Это делало людей психически уравновещенными, начисто искоренило из психологии человека такие болезни, как чванство, чинопочитание, фюреризм, — всякий человек занимал своё нормальное место, и никому в голову не приходило, что он ниже или выше кого-то, пусть даже самого умного учёного или самого искусного астронавта. Так осуществился Великий Замысел Природы».

Астронавты-земляне друг к другу обращаются, добавляя к имени слово «брат»: «Брат Иван», «Брат Джон» и пр.

Можно сказать, что Могильников предлагает ещё один вариант утопии, отражающий общественную потребность в гармонизации

отношений между личностью и обществом, создающий условия, когда интересы отдельных людей и всего человеческого сообщества слиты, а раздирающие мир противоречия разрешаются всеобщей гармонией.

Третья планета, которую посетила команда астронавтов-землян, называется Плаушан. Жизнь на всех трёх планетах даётся в сравнении с жизнью на Земле. Плаушан находится в процессе вражды двух лагерей. Как специалист по контактам, Иван уяснил, что «...чем примитивнее мышление идеологов, тем интенсивнее ведут они пропаганду своих идей, прибегая к самой коварной фальсификации и отрицанию нелицеприятных для них фактов, словом, они напоминают собой людей, которые в своё время чуть не ввергли Землю в преисподнюю термоядерной войны».

Вероятно, Иван является рупором авторских идей, так как Могильников раскрывает нам только мысли Ивана, недаром контактёром стал именно он. «Проанализировав доводы той и другой стороны, Иван решил, что принципиальной разницы между их идеологиями нет. <...>. Обе стороны вопили о свободе, братстве, равенстве. Но если у человека есть, к примеру, хлеб, то он о нём и не думает, когда же его нет, то только и разговоров, что о хлебе. То же касается гражданских свобод. Если уж о них столько разговоров, то существуют они лишь теоретически. Астронавт твёрдо знал: государство есть аппарат насилия».

Планета Плаушан имеет естественный спутник Монт (Луна). Жители планеты были двух типов: люди с большими ушами, напоминающими капустные листья и люди с нормальными ушами. Один из плаушан с нормальными ушами На-Ви (если прочесть с конца в начало, получится Иван) оказался астральным близнецом (двойником) капитана Джона.

Генерал с псевдозолотыми эполетами, с огромными ушами по имени Ка-Ши (ишак) стоит на страже социальной системы Плаушана. Он способен «на любую гнусность ради своих целей», «проповедует свободу и братство, а на деле гноит в темницах и кликушниках тысячи еретиков». Государственность в этой стране «держится на демагогии и гражданской трусости».

Могильников использует несколько намёков на государство, в котором жил: «...раздался в мозгах генерала голос диктора Центральной радиостанции Кле-Ве-Тана»; «...он поставил под удар существование нашей самой передовой и прогрессивной, политической системы и всей страны»; «За свои злодеяния Ка-Ши лишается званий, наград, имущества и приговаривается к отсечению ушей и пожизненной ссылке на Икволос».

Можно предположить, что Кле-Ве-Тан – это Левитан, Икволос – Соловки, учёный-биолог Ок-Нэ-Сыл – Лысенко. Столица Крэм Ква – Кремль Москва.

Пока астронавты отсутствовали, на планете Земля произошла катастрофа: «Объём планеты заметно увеличился, центральный материальный пояс разорвало в двух местах по меридианам, деформировало его, в разрывах плескались два огромных океана, расклинивших сушу на два основных материка. Кроме того, образовалась масса островов самых разных размеров и конфигураций»; «Магнитные полюса сместились...»; «Цивилизация на земле снова была в зачаточном состоянии».

Так, утопия погибла, не успев превратиться в антиутопию.

Жанры «утопия» и «научная фантастика» ориентированы на прогнозирование будущего. Человеческая потребность к воплощению утопического идеала нашла своё отражение в фантастических мирах. Утопическое государство невозможно рассматривать отдельно от фантастических экспериментов, изобретений и идей. Утопия уносит героев за пределы обыденной реальности: в другой конец Земли, на другую планету, в прекрасное будущее. Утопическая литература переживает свой расцвет во времена культурного кризиса в жизни общества. Утопические модели будущего 1960—1970-х годов были ориентированы на достижения технического прогресса, что не могло не сказаться на содержании произведений.

Могильников конструирует некую «вторую действительность», противопоставленную окружающей реальности и содержащую острую критику современности.

Фантастический вымысел на основе научного открытия — основной признак научной фантастики. При этом сюжет в научнофантастическом произведении строится с установкой на достоверность, то есть читатель воспринимает описанный мир как возможный в реальной действительности. Утопия строит сюжет, основанный на научном вымысле, и ориентирует его на привлечение читателя к образу прекрасного будущего или предостережения такого будущего, в котором могут оказаться условия, неприемлемые для жизни человечества.

Несмотря на несомненное сходство жанров научной фантастики и утопии, существует и ряд отличий:

- авторы научно-фантастических произведений в своих фантазиях фактически не ограничены ничем, лишь бы фантазия была оригинальной, а изложение захватывающим. Утопии призваны разрешить те проблемы и противоречия, которые видны в реальном обществе;
 - фантастика в большинстве случаев ориентирована на изобра-

жение «сверхъестественных картин Вселенной», утопия показывает желаемые социальные преобразования общества, истоки которых лежат в неудовлетворенности автора окружающей действительностью;

- фантастика несёт в себе приключенческое начало, представляет собой странствия по вымышленным мирам, в основном за пределами познанного мира. В утопии действие происходит в государстве, прототипом которого является реальный общественный строй;
- в фантастической литературе авторы отводят особое место техническим характеристикам изобретений с научной точки зрения. Для утопических проектов главное показать социальное устройство общества и место человека в нём.

А. Могильникову удалось органично соединить в одном произведении жанровые каноны научной фантастики и утопии. Профессор А. В. Урманов, отмечая социально-политическую составную повести «Потерянные пенаты», обнаруживает в произведении и жанровые признаки памфлета: обличение и разоблачение господствующего социально-политического общества, существующей системы управления государством.

В повести «Потерянные пенаты» наблюдается не только обличительный пафос, но и ярко выраженная направленность против современного автору политического строя в целом и его отдельных сторон. Могильников, как памфлетист, видит своим противником тоталитарную систему. Можно сказать, что в повести представлено три разновидности тоталитарной системы на примере устройства трёх планет. Совокупностью общественных и идеологических категорий к стране, в которой жил и творил А. Могильников, ближе всего планета Плаушан.

Повесть написана метафорическим языком, Могильников завуалировал подлинную сущность своей повести. Сюжетными средствами автор утверждает мысль о том, что многовековая мечта человечества о счастливом будущем, гармоничном мире на практике оказывается выдумкой, заблуждением. Одним из основных приёмов создания художественного произведения и выражения скрытой авторской мысли является аллегория. Язык повести во многом метафоричен и аллегоричен. Широко применяется также метафора. Метафорично название произведения — «Потерянные пенаты». Пенаты — древнеримские божества, покровители домашнего очага.

В финале повести звучит библейский мотив: На-ви, посетивший Назарет и встретившийся с Марией, сообщает: «У неё будет сын. Мой сын. И назовёт она его Иисусом...».

Огромное достоинство повести «**Потерянные пенаты**» состоит в том, что она заставляет думать. Оригинальность и серьезность этой книги делает её очень ценной.

Можно предположить, что не астронавты — главные герои «Потерянных пенатов». У них служебная функция; они — глаза, которыми Могильников видит фантастический космический мир, они — выразители идей автора.

В фантастике такой приём встречается довольно часто: основной персонаж является лишь посредником между изображаемым материалом и читателем. Но кто же главный герой? Видимо, вымышленные жители планет, которых посещают астронавты. Астронавт Иван видит жителей трёх планет, как бы рассматривая их через увеличительное стекло.

Могильников применяет фантастичность для придания своему повествованию исключительности, доступности, значительности обобщающего вывода и нового взгляда на предмет. Исключительно все, что описывает Могильников.

В чём смысл повести? Может быть, в том, что всё в руках человека. Ведь недаром Могильников обращает внимание на руки человека, который, единственный из животных, может ими обслуживать себя, трудиться и созидать. Получается, что художественная деталь «человеческие руки» служит выражению идеи: человек — творец своей жизни. А быть может, нужно говорить о богоборчестве Могильникова, ведь, согласно его мысли, Иисус произошёл от простого человека.

Из прозаических произведений А. Могильникова «Волки», «Дорога в рай», «Странные люди» до нас дошла только фантастическая повесть «Потерянные пенаты».

Фантастическое допущение используется Могильниковым для того, чтобы полнее раскрыть проблематику произведения, характеры персонажей, за счёт помещения их в нестандартные условия.

Не следует в каждой строчке искать намёк на конкретные исторические события и конкретных людей, злободневность послужила писателю материалом, в котором он разглядел общечеловеческое.

Жанр повести «Потерянные пенаты» представляет собой органичный сплав трёх разновидностей эпического жанра — научной фантастики, утопии и памфлета, что предопределено идейнотематической основой и проблематикой произведения.

Могильников низвергает многовековую мечту человечества о «земном рае» — справедливом общественном устройстве, свободе личности, равноправии и благополучии. Повесть «Потерянные пенаты» многослойна по своей проблематике. В ней выражена и фило-

софская мысль о закономерности периодов эволюционного развития человечества, о целях научно-технического прогресса, тревога за наблюдаемую в мире дегуманизацию совершаемых научных открытий и технических изобретений.

В творчестве Анатолия Могильникова рассказ с посвящением комсомолу Приамурья, который был опубликован на страницах газеты «Советское Приамурье» 10 и 15 сентября 1970 года.

Главная тема рассказа – суровые, полные драматизма будни солдат и офицеров на передовой линии фронта Великой Отечественной войны.

Молодые необстрелянные амурские комсомольцы впервые под немецкую бомбёжку.

«Что скрыто в глубине моей души...»: письма

Все говорят: всесильна мудрость света! Но где границы истины и лжи? Никто и никогда не даст ответа, Что скрыто в глубине моей души.

Анатолий Могильников

Изучение литературного наследия писателя невозможно без обращения к эпистолярным материалам, в которых запечатлены самые разные аспекты его (как и любого другого человека) жизни и вместе с тем содержатся черты, передающие дух времени.

Письма писателей — важный источник изучения личности и творчества их авторов, времени, в котором они жили, людей, которые их окружали и входили в их круг общения. Письма писателей представляют не только историко-литературную, но и эстетическую ценность. В этом отношении большой интерес вызывает эпистолярное наследие А. Могильникова, который писал свои письма не для печати. Он и представить себе не мог, что они будут изданы.

Письмо, как вид бытовой письменной речи, составляется и направляется адресату с целью сообщить ему что-либо, уведомить о чем-либо, поддержать с ним общение и т. д. Его отличают многообразие тем и стилей, лёгкость перехода от одного предмета к другому, сочетание серьёзности и незначительности в предмете разговора. Умение метко подбирать слова, чтобы выразить свои чувства, правильно выбирать адресатов делают этот жанр уникальным и своеобразным. По письму, его композиции, тематике и языковым особенно-

стям можно судить об общекультурном уровне человека, его образованности, интересах, мировоззрении и т. д.

Не предназначенные для печати неофициальные письма являются способом общения хорошо знакомых, близких, родных людей. Отсюда их свободная (нежёсткая) композиция, обращение к лексике, которая лучше всего соответствует содержанию письма. Свободная форма письма позволяет отправителю (создателю текста) субъективно оценивать действительность, выражать своё мнение и ожидать от собеседника понимания, поскольку письмо составляет ту же устную беседу, тот же разговор между отсутствующими, только на бумаге. Автор письма при изложении даже сугубо специальных фактов привносит в текст элементы интимизации. Такие письма свидетельствуют о неповторимости автора как личности, отражая нравственный облик пишущего, служа мерилом его образования и знания.

Эпистолярная проза А. Могильникова, пропустившая через себя проблемы современного ему общества, являются не только частью литературного наследия писателя, но и общественной и культурной жизни Приамурья.

Объём сохранившейся переписки А. Могильникова довольно мал, но даже такое количество позволяет судить о значительности его таланта. Дошедшие до нас частные письма Могильникова — это бесценные документы, заключающие в себе информацию о его жизни, творческих замыслах и ходе их реализации, о многом другом. Всё это позволяет составить более точное представление о могильниковском литературном творчестве.

Эпистолярий Могильникова — отражение его трагической жизни и судьбы. Тюремные заключения, переезды, скитания, длительные разлуки с близкими и друзьями обостряли потребность в переписке. Письма Могильникова отличаются полнотой, культурой изложения и стиля.

Адресаты Могильникова, в основном, друзья. Он переписывался с преподавателями БГПИ, писателями, редакторами и издателями.

Дружеская переписка не только носит интимный характер, но и является своеобразной формой общественно-публицистических и литературных бесед. Дружеские письма творческой интеллигенции – это своеобразные документы эпохи. Для дружеского письма существенное значение имеет постоянное ощущение автором письма личности адресата, характерны доверительные отношения между респондентами. Характерной особенностью дружеского письма является неограниченность тематики. Наряду с темами бытового характера в письмах обсуждаются нравственные, общеполитической жизни, науки и искусства.

В одном из писем Могильников, размышляя о моральных принципах людей, о праве одного человека судить другого, пишет: «Так вот
я о чём: какое право мы имеем судить людей? / я говорю о скотах на
двух ногах, которые явно и постоянно творят паскудство/. Здесь
уместно грибоедовское: "А судыи кто?". Меня, например, в первый раз
судил взяточник / о нём в конце сороковых годов был фельетон в
"амурке"/, во второй раз судила б[...], постоянно гуляющая с чужими
мужьями. Вот и вся недолга. И меня это вовсе не возмущает: каков
поп, таков и приход. Меня возмущает сама система, на почве которой
может такое процветать» (Райчихинск, 22 декабря 1978 г.).

Здесь и далее все цитируемые письма А. Могильникова хранятся в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ, куда были переданы А. Табуновым.

Письма Могильникова поражают откровенностью оценки творчества амурских писателей. Вот что он пишет о Леониде Андрееве, попутно объясняя влияние окружения на творческий процесс: «Очень рад за Лёню, ежели он действительно стал чище. Но, думаю, таковым он и был. Просто его изматывали своей враждой амурские виршетворцы, да и остальная жизнь вокруг не отличалась чистотою. Нельзя же, попавши в клоаку и не обмывшись, быть чистым. Видимо, Наташа, его супружница, подействовала на него своим чистотворным характером, ещё не испорченным окружающей средой. Ведь она не ощущала атмосферы того дна, где бывал Лёня. Теперь он должно быть, едет учиться в аспирантуру? А Лёне обязательно надо переменить атмосферу — пусть даже на худшую, потому как поэту это просто необходимо» (7 декабря 1978 г.).

В другом письме содержится резкое высказывание об амурских поэтах: «На моих глазах A[...] превратился из хорошего поэта в халтурщика, а на твоих глазах — Y[...] из поэта и журналиста в скользкого червяка. А я говорю о людях, которые имели что-то за душой — не должности, не дипломы, не партийные книжки, а что-то повесомее» (2.2.77).

Находясь в заключении, Могильников интересовался состоянием литературного процесса в стране и области, показательна в этом аспекте его точка зрения на образование Амурского отделения писательской организации: «Об образовании Амурского отделения СП я читал в газете, где было выступление M[...]. Я бы сказал, компания собралась не ахти какая. Возможно, я и не прав, но у меня к "гражданам сим" какая-то органическая неприязнь» (Суражевка, 16.2.76).

Большая часть писем Могильникова, аккуратно отпечатанная автором на машинке, представляет интерес — «и не столько наполненностью биографическим сведениями (их-то как раз немного),

а полётом мысли, оригинальностью, остротой и точностью оценок – книг, людей, событий» (Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков», 2013, с. 268).

Много писем адресовано журналисту Александру Табунову. Их личная переписка длилась до последних дней жизни Могильникова. Можно предположить, что письма А. Табунову — самые содержательные во всей переписке А. Могильникова.

Могильникова и Табунова связывали откровенная дружба и взаимная привязанность. Но, несмотря на это, даже А. Табунов достоверно не знал, почему А. Могильников был осуждён: «По молодости угодил он, и надолго, в "зону". За что – не ведаю, никогда лично его не спрашивал. Поговаривают, что за групповой разбой. Отсидел от звонка до звонка…» («Амур», 2006, № 5, с. 50).

В письмах к А. Табунову А. Могильников затрагивает много вопросов – творческих, общественных, личных. Все письма связаны тематической последовательностью и логикой. В письмах к Табунову Могильников был откровенен и настойчив в защите своего мировоззрения, своего творчества и своей правды.

«Скажу лишь, что теперь меня не страшит даже тюрьма, ибо знаю: опыт, приобретённый здесь, даром не пройдёт, столько живых героев — абсолютно ничего не надо сочинять, рисуй себе на здоровье» (Суражевка, 2.2.77).

В этой дружеской переписке встречаются личные страницы, окрашенные лирикой и душевным теплом. Могильников делится своими замыслами будущих произведений, переводов, анализирует творчество амурских литераторов.

«Теперь о бурундуке. Ты помнишь овраг, заросший мелколесьем, возле каменного птичника? Так вот в этом овраге жил бурундук. Я несколько раз видел его на расстоянии от 2 до 1,5 метров. Была у меня мысль раскопать нору и ограбить его за орехи. Тем более, что он обезорешил все места ореховые, где я лакомился. Но я пожалел этого полосатика» (Суражевка, 27.2.77).

«Саша, ты сообщил мне прелюбопытную вещь — на счёт Крокодила Гены. А сатира как будто хороша! Я бы сам поупражнялся в оном, да злости у меня больше, нежели юмора» (24.11.78).

«Недавно мне прислали литстраничку "Советского Приамурья". Я высылаю её тебе. Рассказ Юркевича, помещённый там, яркий пример бесконтрольной публикации халтуры. Я предупреждал Володю, что это испортит его. Теперь он убивает в себе и средние литспособности, кои в нём были. Эту страницу можешь показать, кому пожелаешь, в том числе и Машуку, которому, возможно, придётся возиться с Юркевичем, когда тот поймёт, что в литературе ему делать нечего» (Суражевка, 27.2.77).

Интересны рассуждения Могильникова и на литературоведческие темы. Так в письме к А. Табунову А. Могильников делится своими мыслями о стихосложении на примере творчества В. Черкесова: «О моих верлибрах Валера сказал, что они кажутся ему "сконструированными". < ... > Всё это ерунда — как писал я, так и буду. Где лучше, где хуже — по мере своих способностей и возможностей. Видимо, Валера ещё не осознал, что для верлибра самое первейшее — мысль, причём ясная и чёткая. Чувство же таким неловким способом может выразить только гений, а ритмика и рифмы — вовсе не самый последний способ ярко выразить их. Сторонники верлибров часто пренебрегают этим, а потому чаще появляется в белых стихах такая чушь, которую никто не хочет читать» (Райчихинск, 22 декабря 1978 г.).

От обширной переписки с А. Табуновым нам доступна только могильниковская; поэтому история взаимоотношений этих непохожих друг на друга и все же близких людей предстает в неполном, одностороннем свете. Мы не располагаем ответными письмами А. Табунова А. Могильникову. Но своё отношение к Могильникову Табунов представил в статье «Человек, любивший Гейне: Опыт комментария к судьбе». Автор статьи описывает внешний образ Могильникова: «Мужичок с ноготок. Лицо удлинённое, крепкое, точно морда у коняги — но, кто сказал, что не красивы кони? Да и фигурка у него на загляденье: не то борца, не то кузнеца, прямо-таки атлетическая». («Амур», 2006, № 5, с. 51).

Письма Могильникова к Табунову связаны единым драматическим сюжетом, читаются как литературное повествование о встречах и разлуках, о свободе и заключении, о желании творить.

«Ты прости меня, подлеца, за молчание долгое. Есть у меня оправдания, но это — не дело... А честно, я с августа собираюсь в Благовещенск, и мне обещают командировку туда, а сроки всё откладываются... Я-то думал: буду в городе, позвоню тебе, да встретимся где-нибудь, поговорим. Письмо — что!» (письмо не датировано).

«Пишу много! Есть стихи, так сказать, публицистической направленности с "бамовским уклоном". Кое-что мне самому нравится» (письмо не датировано).

В письмах Могильникова содержится информация о публикациях его произведений как на страницах местной печати, так и общероссийской.

«Читал ли ты мой очерк в книге "Стоят на Амуре русские сёла"? Моё детище — другие использовали, поживились. Ничего: будет и у меня книга, есть идеи» (письмо не датировано).

«Посмотри журнал "Неву" № 8 — там мой стих и "Знамя" $N \ge 10$ — там два стиха» (письмо не датировано).

«Когда я дал Машуку анкету, в которой указываю, где и когда печатался, он аж скосоротился: там были хотя и невеликие издания, но многочисленные, в том числе и на немецком языке. // Альманах "Алтай" журналы "Сибирские огни", "Простор", в которых печатали мои переводы ещё тогда, когда я загорал на даче; немецкие газеты "Ротэ Фанэ" /краевая/ и "Фройндшафт" / республиканская/ этц.// (7 декабря 1978 г.).

Мы не знаем, когда состоялась первая встреча Табунова и Могильникова, что послужило причиной их дружбы — взаимная симпатия, общность литературных интересов, — но то, что Могильников был откровенен с Табуновым, не вызывает сомнений. Но примерное время знакомства Табунова и Могильникова можно установить, об этом Табунов пишет в статье о Могильникове: «Незадолго до моего переезда в Бурейский район (где, состоявшееся в Тыгде пятью годами раньше, возобновилось наше знакомство)...». («Амур», 2006, № 5, с. 51).

В некоторых письмах Могильников даёт литературные советы своему другу А. Табунову.

«Да, зарисовка хороша, ежели не считать нескольких речевых натяжек, вернее – растяжек. Привыкай спрессовывать мысль. Хотя, согласно французской мудрости, критиковать легко, писать трудно» (Райчихинск, 17.09.78 г.).

«Сашка, ты меня развеселил: ведь "богатеть думкой" = мечтать вкусно. Кстати, о бурундуке: живёт он не в дупле, а в земляной норе, так что учти это, когда будешь писать, не то может получиться не очень вкусный ляп, и тем более, ежели такое опубликуют» (Суражевка, 16.12.76 г.).

В эпистолярии Могильникова содержится оценка собственного творчества.

«Где-то уже с месяц ничего не могу написать прежнего, а писать абы — лишь бы не хочу. Законченные вещи местами радуют, местами огорчают, но обрабатывать не могу, да и не хочу — обработаю, когда буду переписывать на машинке. Это про прозу. Переводы — в излишке. Иногда черчу свои вирши, но редко. За весь год — штук шесть. Тянет к простоте, ко классической ясности и к народной непосредственности» (28.10.77).

Могильников подробно посвящал Табунова в свой писательский творческий процесс.

Уже из Суражевки он пишет своему другу: «Работаю я обмотчиком электромоторов. Работа нравится, а это – одно из условий

равновесия моего морального состояния» (16.12.1976).

«Ты спрашиваешь, какова жизнь. <...> Лагерь есть лагерь. Все идут в санчасть лечиться, а для меня у докторов нет лекарства – я здесь, как и первый срок, болею ностальгией, т.е. тем, чем должен болеть настоящий русский человек на пресловутом архипелаге» (24.9.1977).

Из тех же писем можно узнать, что и в заключении, преодолевая всевозможные трудности, Могильников живёт почти исключительно творчеством: «Между тем доделываю книгу Гейне "Такова жизнь" — в ней уже более ста готовых стихотворений. Из литконсультации СП уже сюда получил письмо. Л. Г. Сергеева пишет, что попытается передать мои рукописи в изд. «Худ. литература» какому-то Парину. <...> Занимаюсь и прозой. Взялся основательно за военную повесть "Дорога в рай", <...> но до окончательной редакции рукописи ещё далеко. Слишком мало у меня времени на эту работу — не более трёх часов в сутки. Режим есть режим, и я стараюсь не нарушать его. <...> После "Дороги в рай" хочу капитально взяться за "Волков". Трудно здесь работать над языком — почти невозможно сосредоточиться в самом себе, шум, гам, споры, доминошные костяшки, словом, всё это бъёт по нервам» (16.12.1976).

Об интенсивности работы Могильникова даёт представление следующее письмо, написанное через полтора месяца: «"Дорогу в рай" я закончил. Получился средненький военный роман. Средненький — по объёму. <...> Написал ещё повесть о нашем времени "Странные люди". В основе — некоторые автобиографические факты, но принципиально — вымысел, особенно психологические выкладки. Собственно, даже не вымысел, а некое средоточие известных мне характеров» (2.2.1977).

Благовещенск Могильников часто именовал столицей своей юности, но установить время его пребывания в областном центре не удалось. Первый тюремный срок (десять лет) он получил, по некоторым сведениям, за участие в групповом разбое. Наказание отбывал поначалу в исправительной колонии в Суражевке (район города Свободного, расположенный между железнодорожной станцией Михайло-Чесноковская и рекой Зея), об этом можно судить по письмам Могильникова более позднего периода.

Не получив систематического, тем более высшего, образования, Могильников, тем не менее, был человеком с весьма широким кругозором: «в совершенстве владел немецким, самостоятельно освоил идиш, переводил с украинского и белорусского» («Амур», 2006, № 5, с. 54). В одном из писем А. Могильникова к А. Табунову содержится

В одном из писем А. Могильникова к А. Табунову содержится перевод с французского языка: «Сам пишу сейчас мало – настроение

неважное, мозги аж скрипят. Ещё месяц назад работал много. Вот – с французского: Малерб (или Махгерб).

Она из мира, где всё лучшее, как смех, имею худшую судьбу: премудро ей, Розе, был отмерян роз обычных век — одно-единственное утро.

Это не перевод, а переложение, в общем смысл передан предельно точно» (Суражевка, 27.2.77).

Цепкая память Могильникова хранила всё, что он прочитал, а читал он много, в том числе в заключении, используя для этого любую возможность.

«А я хорошие книги врастяжку читаю — глотаю как кашалот. Таков уж характер...» (Райчихинск, 17.09.78 г.).

В письмах к друзьям он постоянно ссылается на работы (чаще цитирует) физиков, философов (А. Эйнштейна, Гегеля), цитирует и довольно метко характеризует стиль, язык произведений Вальтера Скотта, Лиона Фейхтвангера, Роберта Бёрнса, Хемингуэя, многих русских и советских (среди них и амурских) поэтов и прозаиков.

«Ведь ещё ГЕЙНЕ сказал, что юмор, не имеющий под собой серьёзной основы, просто-напросто умственное чихание» (Райчихинск, 17.09.78 г.).

«Генрих Гейне ещё 150 лет тому назад разделил мир на людей и верноподданных – с тех пор ничего не изменилось» (24.9.77).

«Как-то Жан Клод Гельвеций сказал: "от несчастных требуют совершенства". Так что, говоря словами Гейне, от них и не следует ожидать ничего, кроме "умственного чихания"» (24.9.77). Профессор А. В. Урманов отмечает: «Зрелость и самостоя-

Профессор А. В. Урманов отмечает: «Зрелость и самостоятельность его суждений, критический склад ума, великолепное владение словом, отточенность стиля (что проявилось даже в письмах, наспех написанных в полутёмной тюремной камере) не могут не поражать» («Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX —XX веков», 2013, с. 268).

О том, в каких жизненных обстоятельствах устранялись «недостатки» переводов Гейне, Могильников рассказал в письме А. Табунову: «Пишу ночью при свете замазанной синей краской лам-почки, ибо... до отбоя писать невозможно: шум, гам, заглядыванье, подглядыванье — многим любопытно, что же пишет Могила. Некоторые первое время думали, что — доносы. Но теперь не думают, ибо в тайне авторы этого оригинального жанра остаются не очень долго» («Амур», 2006, № 5, с. 57–58).

Эпистолярий Могильникова обладает свойствами структурного целого благодаря тематическому единству обсуждаемых в ней событий, проблем, стилистическому единству, повторяющимся сквозным мотивам, именам, общим «словечкам», намёкам, понятным только корреспондентам. Все эти признаки целостности свойственны переписке А. Могильникова и А. Табунова.

Переписка даёт Могильникову возможность выразить всю глубину и искренность мыслей и чувств. Можно сказать, что его письма к А. Табунову носят исповедальную форму, признание человека, изложение своих дум, желаний, представлений, мыслей, чувств. В письмах Могильникова привлекает искренность, публицистичность, носящая характер доброжелательного общения с собеседником на волнующие писателя темы, доверительная интонация, исповедальные вкрапления, придающие всему тексту откровенность и открытость.

Письма Могильникова отличаются удивительным разнотемьем. Среди них находим и автобиографические, и исповедальные, и бытовые, и шутливые, и ругательные, и критикующие. Их жанровая природа, тема, тональность, характер и другие признаки зависят от личности: а) самого пишущего; б) адресата; в) характера отношений между ними, а также от продолжительности переписки.

Так, В. Черкесову А. Могильников пишет о своих литературных замыслах, о творческих планах, о процессе работы над книгой переводов Гейне, о переписке с переводчиками и редакторами: «Не noмню, писал ли я тебе – в ноябре получил письмо из Союза писателей. Теперь у меня – постоянная связь с редактором издательства "Художественная литература", который непосредственно занимается мировой поэзией, в частности – редактирует собрание сочинений Генриха Гейне. <...>. Вот что пишет этот Алексей Васильевич Парин: "Ваши переводы во многих случаях берут за душу, дают ощущение значительности, подкупают искренним желанием постичь тревоги и страдания поэта, "врасти в его шкуру", некоторые строки очень "узнаваемы" – сразу скажешь, что это Гейне. Они явно выигрывают на фоне переводов, сделанных "аккуратно", где и слова-то вроде бы стоят на месте, и рифмы складные, и интонация бойкая – а поэтическая суть не проглядывает..." <...>. И что мне понравилось, этот Парин анализирует мои переводы не в сравнении с переводами др., как порою делал Гинзбург, а в сравнении "с заколдовывающим подлинником". В конце письма он пишет: "Хочется, чтобы все строчки в Вашем Гейне были вровень с лучшими из уже написанных, где «ни убавить, ни прибавить», и всё дыишт подлинной поэзией <...>. Желаю Вам внутренней стойкости,

терпения и — главное — настоящих творческих побед. Буду рад помочь Вам в дальнейшем". <...>. Кстати, этот Парин умница и не строит из себя гения. Послушай-ка, что он ещё пишет: "Наши литературные вкусы субъективны, и только, мягко говоря, неумные люди могут считать себя истиной в последней инстанции...". Это, друже, большая удача, что мне попался такой критик» (8.12.1977).

На переводы Гейне Могильникова откликнулся ещё один известный в переводческой среде человек — в те годы председатель секции переводчиков Московского отделения Союза писателей СССР Лев Владимирович Гинзбург: «Вы не побоялись посоперничать с самим Лермонтовым в переводе "Сосны" и доказали, что любое честное состязание в литературе закономерно». И далее маститый переводчик немецкой поэзии, знаток её и ценитель, написал Могильникову, находящемуся в заключении: «Ваша работа кажется мне первой за долгие годы весточкой о том, что недалеко то время, когда мы прочтём Гейне таким, каким он был на самом деле...».

Из писем Могильникова А. Табунову узнаём, что Могильников был уверен в том, что его произведения рано или поздно дойдут до читателей и получат признание.

Вот строчки из его письма из Суражевки, датированного 2 февр. 1977: «Хотят или не хотят иные граждане, а в русской литературе я буду существовать — это только вопрос времени. <...>. Всему свой черёд. Скандал — это не лучший путь к славе, да мне и наплевать на неё — пусть славится великий Гейне в моих переводах, я даже буду доволен, если читатели не заметят, что это переводы. Ведь если выпячивается "Я" переводчика, то бледнеет "Я" автора оригинала».

В своих письмах к А. Табунову Могильников много раз интересовался жизнью любимой женщины Тамары, вызвавшей в нём глубокую неразделенную любовь. Такие письма Могильникова в языковом и композиционном плане по-юношески сложны в структурном отношении, осторожны, сумбурны и очень трогательны.

«И это хорошо, что она выходит замуж. Знаешь, Сашка, я даже испытываю от этого некоторое злорадство (да простит меня за такое Всевышний, ежели он существует!!!). Если б я тебе всё объяснил, ты бы понял, однако я всё-таки мужчина. Просто ты должен понимать, что в женщинах я маленько разбираюсь, и, касательно Томки, тянуло меня к ней всё не как к женщине, а как к человеку. Вероятно, она этого не поняла, но, как выйдет замуж, поймёт наверняка. Если и не сразу, то буквально спустя несколько месяцев. Сель ави!!...» (7 декабря 1978 года).

Язык писем Могильникова удивителен: поэт мыслит образами, в повествование искусно вплетается разговорная, высокая, шутливая лексика.

Для Могильникова письма были живой беседой с адресатом, чему он подчинял все имеющиеся в языке средства. В текстах анализируемых дружеских писем Могильникова важное место занимает фразеология. Так, в письме к А. Табунову использованы обороты с разговорной окраской: «И интересно: теперь он, когда мне врёт как сивый мерин, в глаза не глядит. Чует кошка, чьё мясо съела. Но ещё придёт время, когда и собака палку будет помнить» (Николаевка, 20 июня 1975 г.).

В краеведческом музее БГПУ хранятся копии нескольких писем, подшитых к личному делу студента А. Могильникова, адресованные методистам заочного отделения. А сами письма находятся в архиве БГПУ.

Рассмотрим некоторые из них в аспекте выявления особенностей эпистолярного жанра в деловой переписке Могильникова.

«Людмила Ивановна!

С сим посылаю Вам контрольные работы по немецкому и введению в языкознание. Выполнить работу по диалектологии Приамурья просто нет никакой возможности, ибо в этом посёлке нахожусь немного более года и в силу специфичности своего положения почти изолирован неким моральным барьером от местных жителей. Правда, я собрал немало местных слов, но далеко не уверен, местные ли они, потому что здесь живёт много переселенцев и ссыльных как из Европейской России, так и из Западной Украины, высланных сюда после Отечественной войны. По современному русскому языку тоже неувязка – нет нужных словарей, которые отсутствуют также в библиотеке ОЗО нашего института, а без них контрольной работы не выполнить. Да и по языкознанию пришлось шевелить головой, ибо учебников недостаточно, а собственные выводы могут быть ошибочными, тем более что на большинстве лекций я отсутствовал, а наши студентки, оставившие мне свои адреса и обещавшие помочь, на мои просьбы выслать на время конспекты не ответили, а быть назойливым – не в моём духе. Вот пока и всё. Желаю Вам здоровья, счастья и успехов!

С искренним уважением к Вам А. Могильников» (Тыгда, 26 ноября 1969) («Амур», 2006, № 5, С. 58–59).

Характерной чертой деловых писем являются строгие, официальные отношения между людьми. Обмениваются подобными письмами в основном организации с конкретными частными лицами либо частные лица между собой. В процитированном письме Могиль-

ников выходит за строго ограниченные рамки делового письма — регламентированного документа в аспекте лексико-стилистического наполнения. Это письмо отличается непринужденностью, неформальностью, свободой в выборе средств. Могильников использует недопустимые в официальных письмах разговорные языковые элементы: «по языкознанию пришлось шевелить головой», «быть назойливым — не в моём духе» и пр. В плане композиции Могильников не выходит за рамки традиционного построения делового письма. В данном письме чётко выделяется вступление (обращение к адресату письма), основная часть (сообщение информации), заключение (завершение письма).

Следующие два письма адресованы методисту заочного отделения Галине Сергеевне.

«Уважаемая Галина Сергеевна!

К сожалению, мне ничего сдать больше не удалось, а средств на существование не оставалось, поэтому я срочно удрал из Благовещенска. Прошу уж простить меня за такую бесцеремонность. Посылаю Вам экзаменационный лист, прошу выслать новый — возможно, что-нибудь сдам на выезде.

Написать раньше никак не мог собраться, ибо сразу устроился в редакцию и почти всё это время носился по командировкам. Прислать ли Вам справку с места работы?

Ещё раз прошу Вас простить меня за мой отъезд без Вашего ведома, и за долгое молчание. Передайте, пожалуйста, от меня мой низкий поклон Борису Афанасьевичу Лебедеву. Пока всё.

С уважением к Вам А. Могильников» (Малиновка, 17 авг. 1970) («Амур», 2006, № 5, с. 59).

В данном письме необходимо отметить обращение Могильникова к лексике, которая лучше всего соответствует содержанию письма: «я срочно удрал из Благовещенска. Прошу уж простить меня за такую бесцеремонность», «почти всё это время носился по командировкам». Точное обозначение отправителя и адресата.

«Уважаемая Галина Сергеевна!

Извините, что никак не мог сообщить Вам о своём местопребывании, однако только недавно – на постоянном месте жительства.

Прошу Вас сообщить мне, каким образом организовать перевод из Благовещенска в Барнаул, ибо у меня в ближайшие полгода нет совершенно никакой возможности ездить в Благовещенск, да и вообще бессмысленно ездить туда, где на тебя смотрят, как на врага (я имею в виду тот случай, когда мне дали в горотделе милиции 24 часа, чтобы я убрался из Благовещенска). При таком обращении не только учиться, но и жить-то не хочется. Так что я очень прошу

Вас объяснить мне поподробней все условия переводов. Жду Вашего ответа. Передайте мой сердечный привет Б.А. Лебедеву! С уважением Могильников» (Угловское, 24 дек. 1970) («Амур», 2006, № 5, с. 59).

В приведённых трёх письмах Могильников при изложении сугубо специальных фактов привносит в текст элементы интимизации, тем самым, нарушая жанровый канон делового письма. Например: «Желаю Вам здоровья, счастья и успехов!»; «Жду Вашего ответа. Передайте мой сердечный привет Б.А. Лебедеву!»; «При таком обращении не только учиться, но и жить-то не хочется».

Приветствия в деловых письмах Могильникова оформлены в виде обращения, состоящего из имени адресата, которое сопровождается словами, указывающими на дружеские отношения пишущего с адресатом. Деловые и дружеские письма А. Могильникова, отражающие его нравственный облик, свидетельствуют о неповторимости его личности. Профессор А. В. Урманов отмечает: «Из преподавателей фа-

Профессор А. В. Урманов отмечает: «Из преподавателей факультета самое сильное влияние на Могильникова оказал Борис Афанасьевич Лебедев, бывший фронтовик, в те годы стариий преподаватель кафедры литературы. Его он называл «человеком самостоятельным» (высокая похвала в устах Могильникова), ему единственному передавал "приветы" в письмах к методисту заочного отделения. Лебедев, в свою очередь, ценил нетипичного студента Могильникова за творческие способности, самостоятельность суждений. Об этом можно судить по сохранившейся рецензии на контрольную работу по введению в литературоведение, посвящённую анализу стихотворения Пушкина "Осень": "<...> Что касается содержания работы, то оно убедительно доказывает Вашу способность совершенно свободно ориентироваться в стихосложении и системе изобразительных средств (вот только варваризмы не просторечия). И уже это даёт право оценить работу по самому высокому баллу. Правда, в интересах Вашего роста можно было бы предложить другой путь анализа (через тему, жанр и стиль). Б.А. Лебедев. 28 марта 1970"» («Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX—XX веков», 2013, с. 267).

В деловой переписке Могильников рассказывал не всё о себе и своей жизни. Не сообщил о том, что в Алтайский край перебрался, потеряв, по свидетельству друга-журналиста Александра Табунова, «за непокладистый характер» работу учителя в Бурее, а также за то, что «читал на уроках Есенина и Мандельштама» («Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX—XX веков», 2013, с. 267).

Известно, что послание выполняет две функции — информативную и коммуникативную: Могильников как адресант отбирает материал и соотносит его с личностью адресата.

Дружеские и деловые письма Могильникова хорошо структурированы. В них обычно есть вступление (предисловие), в котором поэт приветствует собеседника и (или) приносит извинения за длительное молчание; основная часть — рассказ о событиях, произошедших за последнее время; заключение — прощание и пожелание доброго здравия всем родным, близким и друзьям.

Анализ писем Могильникова позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, письма помогают отобразить хронологию жизни писателя, а с другой, их можно рассматривать как творческую лабораторию, в которой содержится признание или размышление о замыслах создания произведения. В письмах их внутренняя наполненность, речевой портрет писателя, который в силу особого характера отношений с разными адресатами, раскрывается и передает всю полноту и гамму чувств. Отбор эпистолярных формул, производимый А. Могильниковым, обусловлен, прежде всего, характером письма, а также интенциями автора.

Дружеские письма А. Могильникова являются своеобразной формой общественно-публицистических и литературных бесед, документами эпохи. Могильников постоянно ощущает личность адресата, поэтому его письма характеризуются доверительным отношением к получателю. Письма Могильникова к Табунову связаны единым драматическим сюжетом, читаются как литературное повествование о встречах и разлуках, о свободе и заключении, о желании творить. В дружеской переписке встречаются личные страницы, окрашенные лирикой и душевным теплом. Могильников делится своими замыслами будущих произведений, переводов.

Письма А. Могильникова, как и большая часть художественных произведений, создавались в местах лишения свободы. Дошедшие до нас письма поражают свободой суждений и выражения мысли, аналитическими способностями автора, отличаются искренней исповедальностью, в них напряжённый нерв души поэта. Можно утверждать, что Могильников очень много выстрадал, прежде чем его мысли ложились на бумагу. Письма Могильникова нельзя спутать с письмами других авторов. Каждое из них проникнуто глубоким исповедальным характером, прямотой, неподдельной искренностью. Поэтому в его эпистоляриях постоянно чувствуются надрывность, зов мятущейся души поэта, накал страстей.

В письмах Могильникова наблюдается сочетание элементов художественного, публицистического и разговорного стилей. Письма Могильникова отличаются непринужденностью, естественностью изложения, свободой выбора средств изложения, заинтересованностью, авторской индивидуальностью, явно выраженной в тексте; не-

Русские судьбы: амурские писатели Анатолий Могильников

жёсткой структурой, учитывающей «эпистолярные» традиции.

Переписку Могильникова можно рассматривать как самостоятельный литературный феномен, текст, построенный диалогически. Письма А. Могильникова являются творчеством не только индивидуальным, но и совместным, потому что автор письма всегда имеет в виду личность адресата, свои с ним отношения, его интересы, взгляды и т. д.

«СТРАННАЯ СУДЬБА...»: Анатолий Могильников в воспоминаниях и оценках современников

А я его всё чаще нежным помню... **Александр Табунов**

Нет в его наружной жизни головокружительных приключений, до коих столь охочи книголюбы всех времен. А в жизни внутренней – лишь постоянные насмешки над суетой, упорное неприятие действительности – наследия «усатого императора» – да лихорадочно-самозабвенные занятия раз и навсегда прикипевшим к сердцу делом: «Что до литературы, то я не представляю себя без неё. И без прозы, хотя ей уделяю не так уж и много времени. И шквал вдохновения меня захватывает тогда, когда руки заняты... Смешно? Словом, для настоящей работы нет внешних условий, что болезненно действует на психику, и с годами всё острее».

Обстоятельства заставляли его быть грубоватым — и в речи, и в поступках. «Таков уже есть», — отмахивался он в подобных случаях. А я его всё чаще нежным помню. И при жизни-то издателями редко привечаемый, после кончины же долго не публиковавшийся вообще, Анатолий Могильников, тем не менее, знаком почти всей пишущей братии Приамурья, во всяком случае, старшему её поколению.

Странная судьба? Пожалуй.

Александр Табунов, журналист, друг Анатолия Могильникова

В местных, областных литературно-журналистских кругах к Могильникову в целом относились настороженно. Виной тому и биография, и неуравновешенный, взрывной характер Могильникова, и резкость суждений, в том числе об амурских авторах. Немаловажной причиной была и плохо скрываемая оппозиционность Могильникова, неприятие им царящей вокруг лжи, официоза, духа верноподданничества и казёнщины. Он ценил рассказ «Один день Ивана Денисовича» и не скрывал этого, несмотря на то, что с конца 1960-х Солженицын впал в немилость. А так как в небольшом Благове-

щенске все были на виду, общение с Могильниковым могло стать небезопасным, этим можно было навлечь на себя неудовольствие властей. Отчасти поэтому Могильникова многие сторонились. В его поэтическом творчестве этого времени есть стихи с острым социально-политическим содержанием: «Патриотизм», «Идолы», за любое из которых можно было получить тюремный срок.

Александр Урманов, профессор, доктор филологических наук БГПУ

Вам вспомнился Толя? Для меня он человек уникальный. Талантливый, очень талантливый. Цельный. О таких интеллигентах в его семье речь не шла, но вся семья была интеллигентной. Гены?

Не завершив специального образования, Толя получил (это – редкое явление) довольно приличное образование. Он впитывал всё... Стихи – свои – писать учился на переводах. Но не только стихи, а и прозу, хотя проза его, сами знаете, не шедевр. Стихи же его печатались в хороших сборниках.

Самостоятельно изучил идиш, переводил еврейских поэтов, зная о них больше, чем знаю я. Пробовал переводить с украинского. Но главное — это его отношение к правке. Редкий человек. Правке Толя сопротивлялся, и делал он это сознательно, мне это нравилось...

Марк Либерович Гофман, редактор Амурского книжного издательства

Не любят у нас прямоты суждений. Даже в целом. А уж когда они касаются частностей, не любят и не прощают. Кому, ну скажитека, понравится душа нараспашку и такое вот её самовыражение: «...А что до печатанья – строго под моей фамилией. Нет – значит, нет. Не напечатают в Благовещенске – напечатают в Москве. Подумаешь — Ротания! Да пусть подавятся ф-ской сухомятиной и мскими шанюшками!».

Писано сие из-под города, словно в издевку наречённого Свободным, столицы одного из островов известного Архипелага. Это и есть, в сущности, причина того, что упоминание только имени поэта вызывало у некоторых земляков-современников наших если не приступ глухоты, то явное ошеломление.

Александр Табунов, журналист, друг Анатолия Могильникова ***

Из того, что было создано Могильниковым за долгие годы, сохранилось не так уж много, в основном, оригинальные стихи. Так, в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ хранится (помимо рукописи фантастической повести «Потерянные пенаты» с правкой М. Гофмана и писем, также переданных А. Табуновым) отпечатанный автором на машинке, «самиздатовский» сборник стихов «Свет и мрак» (1978) — семьдесят одно «восьмистишие». Книжка эта (как и сохранившиеся переводы Гейне) достойна быть опубликованной, ибо откроет амурским читателям глубокого и самобытного лирика, тяготеющего одновременно и к отражению мгновений своей жизни, к выразительным пейзажным зарисовкам, к деталям, и к философскому обобщению.

Александр Урманов, профессор, доктор филологических наук БГПУ

«БРОДЯГА ИЗ БРОДЯГ...»:

методические рекомендации к изучению жизни и творчества Анатолия Могильникова на уроках литературного краеведения

Закончилось, забылось, отболело воспоминанье о прошедших днях, хоть жизнь меня нисколько не жалела — я для неё бродяга из бродяг.

Анатолий Могильников

«Поэзия, никем не признанная в мире...»: час поэзии, посвящённый Анатолию Могильникову

Цель занятия: познакомить школьников с жизнью и творчеством незаслуженно забытого и непризнанного талантливого амурского поэта, прозаика и переводчика Анатолия Могильникова (1940—1979).

В начале беседы необходимо рассказать о том, что на сегодняшний день сохранилось небольшое число его произведений. Это отдельные публикации в литературных альманахах; «самиздатный» сборник стихотворений «Свет и мрак», в который вошло 71 восьмистишие; переводы стихотворений Г. Гейне; фантастическая повесть «Потерянные пенаты» и письма, большая часть которых адресована другу Могильникова журналисту Александру Табунову.

Здесь же важно заострить внимание на трагичной судьбе А. Могильникова: на недолгую жизнь поэта выпали два тюремных срока, материальные лишения, бездомность, безнадежное ожидание так и несбывшейся любви. Все это нашло отражение как в лирике поэта, так и в его переводах.

Главное свойство истинного искусства — это связь с реальной жизнью. Любой толчок извне может привести в движение поэтическую мысль. Даже самые прозаические картины порой рождают возвышенное настроение. Стихотворением «Нелегальная поэзия» (1978) Анатолий Могильников вводит читателя в свою творческую лабораторию:

Поэзия, никем не признанная в мире, мне открывается под капель чистый звон.

Мы с дедом тайно заперлись в его квартире, и я смотрю, как он химичит самогон.

Потом мы вместе пьём, и огненная влага втекает в сердце мне, закону вопреки. Как дед добыл её из жёлтой, мутной браги, так добываю я из смутных чувств стихи.

Вспоминаем, что у Анны Ахматовой стихи растут из сора («Когда б вы знали из какого сора растут стихи, не ведая стыда...»), а у Могильникова — «из смутных чувств». Удивительное уподобление рождения стихов выгонке самогона («капель чистый звон») наглядно показывает таинство возникновения поэзии. Как происходит очищение «жёлтой, мутной браги» от лишних суррогатных веществ до кристально-чистого спирта, так и поэт шлифует свои стихи, доводит их до блеска, оттачивает до предельной ясности свои мысли.

Размышляя над стихотворением **«Закончилось, забылось, от-болело...»**, делаем вывод о том, Могильников утверждает — поэтом может быть только человек, положивший на алтарь служения поэзии все блага человека, отказавшийся от дома и семьи, влекомый *«неизлечимой тягой»* нести своими стихами свет человечеству:

Закончилось, забылось, отболело воспоминанье о прошедших днях, хоть жизнь меня нисколько не жалела — я для неё бродяга из бродяг.

Я одержим неизлечимой тягой идти во тьму, чтоб познавать рассвет. Кто в этом мире не бывал бродягой Хотя бы сердцем – разве тот поэт?

Обязательно акцентируем внимание на том, что стремление А. Могильникова во мраке разглядеть свет является специфической чертой его поэтического мировоззрения:

Свет растворился в мутной дали за цепью розовых холмов, и только трепетно моргали, как звёздочки, глаза домов.

Мрак разогнал людей вслепую по клеткам голубых квартир, но стоит заглянуть в любую — и ты откроешь целый мир.

В стихотворении **«Солнечный ветер»** просматривается сила духа поэта, который, несмотря на то, что ему *«всю жизнь не везётм»*, он *«полон любви и таинственно светел»* и именно поэтому вопреки всем природным законам его *«тень перед ним ползётм»*, а он идёт смело, равно и уверенно:

Мне не то чтобы день, а всю жизнь не везёт, Но я полон любви и таинственно светел. Я иду, моя тень предо мною ползёт, — Дует в спину мне ласковый солнечный ветер.

Не затмили любви ни наветы, ни злость, Ни централов сырых монолит многотонный, Этот ветер меня продувает насквозь, Оставляя в душе золотые фотоны!

Тема любви в русской литературе всегда занимала особое место. Не обошёл вниманием эту тему и А. Могильников. Он постоянно обращался к теме любви, показывая многогранность и многоликость её проявлений. Здесь заранее подготовленные учащиеся прочтут его стихотворения о любви.

Всяк сущий без любви – калека, в нём нет ни света, ни тепла. Во мне живого человека – в клоаке зла – любовь спасла.

На взгляд, разумна или вздорна, она немыслимо чиста, и в этом – истины бесспорной чудовищная простота.

Ты плакала, а слёзы, стекая с кончика носа и подбородка, капали не на асфальт, а на моё сердце. Где упали они, там остались белые пятна, как от ожогов.

Подарить тебе дали мне букет, только розы были без колючек — выросли они в глиняном горшке, а не на горючих горных кручах.

Понял я, когда ты букет взяла белизною пальчиков бескровных, что с тобой меня зря судьба свела, как с домашней розою шиповник.

Грустно в груди от осеннего гула — чувства разносит времени шквал... Если б весна в моё сердце вернулась, я б каждый листик расцеловал.

Говорят, что стреляют глазами. Я не думал, что это всерьёз — романтическими словесами, словно мохом, мой разум оброс.

Но одним распрекраснейшим летом мне и это познать довелось: голубые глазищи дуплетом просадили мне сердце насквозь.

Далее рассказываем о том, что в конце декабря 1978 года, за месяц с небольшим до смерти, Могильников написал стихотворение «Эпилог», судя по всему, последнее, прощальное произведение, отразившее его физическое и душевное состояние:

Поля в смирительной рубашке снега, леса в наручники невидимые холод заковал, как будто бы в груди Земли иссякла нега и вместо солнца в небе — огненный провал.

Но ждёт Земля весну— так ждёт свободу узник, торопит годы, дни, торопит каждый час: надежда теплится в его глазницах грустных, хоть жизнь почти что вытекла из глаз.

Могильников, в совершенстве владевший немецким языком, является талантливым автором переводов поэта Генриха Гейне, близкого ему по мирочувствию, взглядам и поэтике, которого до конца жизни он ставил выше всех прочих и называл великим.

Широко известное русскому читателю классическое стихотворение Г. Гейне, широко известное по вольному переводу М. Ю. Лермонтова («На севере диком стоит одиноко / Стоит одиноко сосна...») в максимально приближенном к оригиналу переводе А. Могильникова звучит так:

Развесистый кедр на севере дальнем, Уснув на скалистом холме, Застыл одиноко, и снегом кристальным Его заметает во тьме.

И снится ему, что вот так же печально В далёкой пустынной земле Стоит и грустит одинокая пальма На выжженной солнцем скале.

Подтверждением тому, что судьба и творения Анатолия Могильникова произвели впечатление на учащихся, послужит их желание перечитать, а быть может, и выучить прослушанные стихотворения.

ЛИТЕРАТУРА

Произведения А. И. Могильникова

Из публикаций в периодических издания и сборниках

Верлибры: стихи. – Текст (визуальный): непосредственный // Амур. вести. – 1993. – 13 янв. – С. 4. – Содерж.: Крикни в горах; Я высек искры; Улыбка твоя; Ты плакала; Ты плачешь от предчувствия; Он сравнивал тебя; Моя муза; Разлад; Ты говоришь.

Из сборника «Свет и мрак», Восьмистрочия : стихи. — Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. вести. — 1993. — 13 янв. — С. 4.— Содерж.: Тальник ; Патриотизм ; Избиратели ; Идолы ; Чудо света ; Солнечный ветер.

Генрих Гейне [Берег моря, скалы, кручи...] : стихи. — Текст (визуальный) : непосредственный // Советское Приамурье. — 1975. — 8 февр. — C. 3.

Голоса друзей: переводы стихов. – Текст (визуальный): непосредственный // Приамурье моё – 1970: лит.-художеств. сб. – Благовещенск: Амур отд-ние Хабаров. кн. изд-ва, 1970. – С. 265–272.

Дальневосточники : [посвящается комсомолу Приамурья] : рассказ. — Текст (визуальный) : непосредственный // Советское Приамурье. — 1970.-10 сент. — С. 3; 15 сент. — С. 2.

Другу; Поэту Генриху Кемпфу; Я иду и иду. Рассыпаются бисером росы...; Расцеловать бы каждый пень лесной...; Проклюнулся росток на свет...: стихи. – Текст (визуальный): непосредственный // Советское Приамурье. – 1970. – 27 авг. – С. 3.

Желания : стихи. — Текст (визуальный) : непосредственный // Советское Приамурье. — 1975. - 20 сент. — С. 4.

Зимнее затишье ; Чудо света : стихи. – Текст (визуальный) : непосредственный // Советское Приамурье. – 1974. – 26 дек. – С. 5.

Коллизии ; Творчество изнутри : стихи. – Текст (визуальный) : непосредственный // Советское Приамурье. – 1974. – 10 дек. – С. 3.

Лирика: стихи. – Текст (визуальный): непосредственный // Вперёд. – 1969. – 29 марта. – С. 4. – Содерж.: Ползёт тишиной боязливо...; Погодка волчья...

«Личная жизнь практически закончена..» : портрет в письмах // Амур. вести. -1993.-13 янв. -C.4.

Ночь. Темно и беспросветно : стихи. – Текст (визуальный) : непосредственный // Вперёд. – 1969. – 30 дек. – С. 3.

Песня из XXI века ; Поздней осенью : стихи. — Текст (визуальный) : непосредственный // Советское Приамурье. — 1974. - 12 окт. — С. 3.

Потерянные пенаты: фантастическая повесть. — Текст (визуальный): непосредственный. — [Свободный]: [б. и.], 1978. — 45 с. [Отпечатанный автором на машинке, «самиздатовский» текст повести хранится в Литературно-краеведческом музее БГПУ].

Родина : стихи. – Текст (визуальный) : непосредственный // Советское Приамурье. – 1974. – 30 нояб. – С. 4.

Свет и мрак : восьмистрочия : стихи. — Текст (визуальный) : непосредственный. — [Райчихинск] : [б. и.], 1978. — 76 с. [Отпечатанный автором на машинке, «самиздатовский» сборник стихов хранится в Литературно-краеведческом музее БГПУ].

Сердце ; В грозу : стихи. — Текст (визуальный) : непосредственный // Амурский комсомолец. — 1974.-29 дек. — С. 4.

Синее утро и росный покос... ; Солнце в тучах покоится вяло... : стихи. — Текст (визуальный) : непосредственный // Советское Приамурье. — 1975.-17 мая. — С. 4.

Солнечный ветер ; Патриотизм ; Избиратели ; Баллада о троих : стихи. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амурская лира / сост. А. Падалко. – Свободный : ДИЗАЙН-ПРИНТ, 2013. – С. 310–311.

Солнце в тучах покоится вяло... : стихи. – Текст (визуальный) : непосредственный // Ленинский путь. – 1973. – 11 мая. – С. 3.

Стихи и переводы с немецкого : стихи. — Текст (визуальный) : непосредственный // Амур : лит.-художеств. альм. — 2006. — № 5. — С. 60–61. — Содерж.: Творчество изнутри ; Солнечный ветер ; Таль-

ник; Саранки; Осенний этюд; Эпилог; Патриотизм; Избиратели; Идолы Берег моря, скалы, кручи...; Любимая, мы не забыли...; Как во сне сквозь сердце мне...; Куда теперь?; Баллада о троих.

Утренняя заря ; Свет растворился в мутной дали... : стихи. — Текст (визуальный) : непосредственный // Советское Приамурье. — 1974. — 5 нояб. — С. 3.

Литература о жизни и творчестве А. И. Могильникова

«Личная жизнь практически закончена...» : портрет в письмах : [письма А. Могильникова А. Табунову]. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. вести. – 1993.-13 янв. – С. 4.

От переводчика: [об А. Могильникове]. – Текст (визуальный): непосредственный // Приамурье моё – 1970: лит.-художеств. сб. – Благовещенск: Амур. отд-ние Хабаров. кн. изд-ва, 1970. – С. 265.

От редакции : [об А. Могильникове]. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур : лит.-художеств. альм. – 2006. – № 5. – С. 58–59.

Табунов, А. Таков уж есть : [об А. Могильникове] / А. Табунов. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. вести. – 1993. – 13 янв. – С. 4.

Табунов, А. Свет и мрак : штрихи к портрету : [о жизни и творчестве А. Могильникова] / А. Табунов. — Текст (визуальный) : электронный. — URL: https://www.slovoart.ru/node/2417 (дата обращения: 22.10.2020).

Табунов, А. Человек, любивший Гейне : опыт комментария к судьбе : [об А. Могильникове] / А. Табунов. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур : лит.-художеств. альм. – 2006. - N 5. – C. 49–59.

Урманов, А. В. Могильников Анатолий Иннокентьевич / А. В. Урманов. – Текст (визуальный) : непосредственный // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 267–270.

Русские судьбы: амурские писатели Анатолий Могильников

Урманов, А. В. «Поэзия, никем не признанная в мире...»: феномен Анатолия Могильникова / А. В. Урманов. – Текст (визуальный): непосредственный // Урманов, А. В. «Мы твёрдо стали на Амуре...»: история литературы Приамурья в лицах, судьбах, творческих исканиях / А. В. Урманов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 406–418.

Урманов, А. В. Феномен Анатолия Могильникова / А. В. Урманов. – Текст (визуальный) : непосредственный // Лосевские чтения – 2015 : материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2015. – С. 38–53. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp? id=24784766 (дата обращения: 12.01.2021).

Час поэзии, посвящённый Анатолию Могильникову: [на базе СИЗО 1 УФСИН России по Амур. обл. сотрудники Амур. обл. науч. б-ки провели информ. мероприятие «Час поэзии» для несовершеннолетних.]. — Текст (визуальный): электронный. — URL: http://www.libamur.ru/new/4001.html (дата обращения: 22.12.2020).

